Николай Гротъ.

ОСНОВАНІЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Оттискъ изъ ноябрьской книги журнала „Вопросы Философіи и Психологіи".

2 й экз

МОСКВА.
Типо-литогр Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Именіевская улица, соб домъ
1896.

4170
Гро

Дозволено цензурою. Москва, 9 декабря 1895 года

7910

Желая дать широкое распространеніе идеѣ *экспериментальной психологіи,* я рѣшился разослать нѣсколько сотъ оттисковъ настоящей статьи въ редакціи журналовъ и газетъ, профессорамъ университетовъ и другимъ спеціалистамъ, прося—по поводу ея содержанія—отзывовъ, указаній и критическихъ замѣчаній въ печати *) или въ частныхъ письмахъ (на имя редакціи журнала). Все это нужно не для меня лично и не для успѣха книжки, которую я не намѣренъ пускать въ продажу, а исключительно для пользы дѣла, такъ какъ вопросы, обсуждаемые въ статьѣ, имѣютъ первостепенную важность для будущаго не только психологіи, но и всѣхъ наукъ гуманитарныхъ и въ особенности *педагогики,* что уже прямо имѣетъ *практическій* интересъ для школы и для воспитанія вообще. Всѣ замѣчанія, даже несправедливыя и рѣзкія, основанныя на недоразумѣніяхъ и ошибочномъ пониманіи моихъ мыслей и словъ, приму съ благодарностью, и отнесусь къ нимъ со вниманіемъ—въ виду предполагаемой дальнѣйшей разработки вопросовъ, затронутыхъ въ этомъ очеркѣ.

Авторъ.

---

*) Такъ какъ статья была напечатана въ журналѣ.

Основанія экспериментальной психологіи.

Внимательное изученіе психологической литературы за послѣднее пятилѣтіе приводитъ къ убѣжденію, что старая рознь между различными направленіями психологіи, метафизическими и опытными, все болѣе и болѣе стушевывается и что близится то время, когда мы будемъ имѣть дѣло съ единой *наукой психологіей,* въ которой всѣ частныя направленія въ изученіи психологическихъ проблемъ сольются въ одно русло, и существенныя пріобрѣтенія старой *спекулятивной* (такъ называемой метафизической) психологіи въ школахъ Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Канта и др., войдутъ въ органическое соединеніе съ обильными результатами *опытнаго* изученія душевной жизни, ея явленій и законовъ, въ психологіи эмпирической, въ школахъ Локка, Юма, Томаса Рида и ихъ новѣйшихъ преемниковъ.

На первый взглядъ такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ, ибо что̀ общаго, повидимому, между психологіей душевныхъ силъ, способностей, субстанцій,—и психологіей явленій, теоріей ихъ „сосуществованій и послѣдовательностей?“ По весьма еще упорно распространенному мнѣнію,—вѣрнѣе предразсудку,—эти два направленія исключаютъ другъ друга: они всегда враждовали между собою и стремились другъ друга заглушить. Допустимъ однако, что понятіе *психическаго явленія* успѣхами современной научной психологіи будетъ существенно переработа-

но *), и тогда безъ сомнѣнія должно будетъ измѣниться отношеніе между психологіей эмпирической и метафизической. Можетъ оказаться, что и спекулятивная психологія всегда изучала и часто правильно освѣщала такъ называемыя „явленія“ психической жизни, а психологія эмпирическая лишь накопляла новые факты для правильнаго истолкованія „законовъ“ этихъ явленій и для уразумѣнія ихъ „сущности“.

Несомнѣнно, что и старая эмпирическая психологія въ широкой степени опиралась на нѣкоторую *метафизическую* теорію о непереходимой пропасти между субстанціей и ея явленіями, и тѣмъ самымъ молчаливо признавала бытіе субстанцій внѣ и позади явленій. Если допустить, что это противуположеніе, основанное на неправильной психологіи познанія, отжило свое время и что сама психологія, какъ наука, призвана его устранить и переработать, то станетъ ясно, что чисто метафизическій споръ между психологіей эмпирической и спекулятивной потеряетъ всякое значеніе и что ближайшею задачей *науки психологіи* будетъ, минуя этотъ споръ, заимствовать и ввести въ область матеріаловъ своихъ всѣ тѣ глубокія и вѣрныя психологическія наблюденія и обобщенія, которыя были сдѣланы великими психологами и душевѣдами всѣхъ вѣковъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали, т.-е. какъ бы они ни разсуждали объ отношеніи субстанціи души къ явленіямъ душевной жизни. Всѣ эти послѣднія разсужденія—метафизиковъ и эмпириковъ — носили гипотетическій характеръ и были обобщеніями приблизительными. Для представителя *науки психологіи* важны въ нихъ не конечные гипотетическіе выводы **), а тѣ факты и наблюденія, которыя ихъ вызывали и въ нихъ обобщались. Другими словами, психологическія

*) Такою переработкой заняты многіе психологи нашего времени. См. ниже статью Л. М. Лопатина «Явленіе и сущность въ жизни сознанія» и нашу статью „Жизненныя задачи психологіи“ въ кн. IV „Вопросовъ“ (1890).

**) Въ духѣ *спиритуализма, матеріализма и параллелизма,—дуализма, монизма* или *плюрализма*.

теоріи суть тоже факты и документы для психологіи, *какъ науки*, и изученіе *исторіи* психологіи есть въ то же время изученіе и путь къ разрѣшенію многихъ существенныхъ психологическихъ вопросовъ.

Переворотъ въ судьбахъ психологіи, о которомъ мы говорили, готовится на почвѣ новаго, *третьяго*, направленія этой науки, которое крѣпнетъ и развивается въ наши дни и называется *экспериментальнымъ**). Экспериментальная психологія не довольствуется непосредственнымъ наблюденіемъ душевныхъ явленій и умственною переработкой наблюденій въ обобщенія и гипотезы, а ставитъ себѣ задачею искусственно направлять эти явленія и сознательно допрашивать природу со стороны психическаго ея существованія и содержанія. Экспериментальная психологія имѣетъ дѣло не съ субстанціями и явленіями, а съ *фактами* душевной жизни и дѣятельности, и факты эти гораздо шире и разнообразнѣе, чѣмъ психическія явленія, съ которыми имѣла дѣло старая эмпирическая психологія **).

---

*) Весьма замѣчательно, что во всѣхъ трудахъ лучшихъ современныхъ представителей экспериментальной психологіи, въ Германіи, Франціи, Англіи и въ Америкѣ, замѣчается широкая примирительная тенденція по отношенію къ метафизической психологіи Проблема о душѣ не только уже не изгоняется безусловно изъ опытной психологіи и философіи, но дѣлаются часто попытки новой постановки ея на почвѣ опыта, какъ вообще попытки основанія новой «опытной» метафизики (Ср. Fouillée: L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience. Paris. 1889. Wundt: System der Philosophie. Leipz , 1889). Для психологіи особенно характерны въ этомъ отношеніи, кромѣ извѣстныхъ воззрѣній Вундта, нѣкоторыя главы въ сочиненіи американскаго психолога Джемса: Principles of Psychology (1890), а также недавно вышедшее сочиненіе выдающагося американскаго психофизіолога Лэдда: Philosophy of Mind. An essay in the metaphysics of psychology. London, 1895.

**) Уже по окончаніи этой статьи и сдачи ея въ наборъ мы получили отъ нашего товарища, А. И. Введенскаго, изданный подъ его редакціей въ С.-Петербургѣ переводъ прекрасной книжки Бине, Анри, Куртье и Филиппа: „Введеніе въ экспериментальную психологію“, пер. Е. И. Максимовой „по тексту, исправленному и дополненному В. Анри для русскаго изданія“. Въ этой полезной книжкѣ, на которую мы еще имѣемъ возможность сдѣлать въ корректурѣ нѣсколько ссылокъ, говорится между прочимъ: „Экспериментальная психологія независима отъ метафизики, но она не исключаетъ метафизическихъ изысканій. Сама она не предполагаетъ никакого опредѣленнаго рѣше-

Документы, раскрывающіе факты человѣческой душевной жизни, весьма многочисленны; они широко и обильно разбросаны вокругъ насъ, и мы ихъ еще почти не изучали, не допрашивали,—вся литература человѣческая, все искусство, вся наука, религія, философія, всѣ историческія дѣянія людей, ихъ бытъ, нравы и законы, произведенія архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, поэзіи, формы государственной и общественной жизни—все это психическіе факты и документы мышленія, творчества, чувства, воли людей, и мы еще не изучали ихъ *психологически*.

Не изучали потому, что не умѣли изучать, допрашивать, т.-е. психологически экспериментировать *). Всѣ эти психологическіе документы суть созданія человѣческихъ *личностей* въ ихъ *единичной* или *коллективной* работѣ. Но умѣли ли мы до послѣдняго времени изучать психологически чужую душевную *личность* въ ея воспріятіяхъ и дѣятельностяхъ, въ переживаемыхъ ею душевныхъ процессахъ, въ ея развитіи, въ ея мышленіи,—въ ея творческой и созидательной работѣ,—въ ея наклонностяхъ, стремленіяхъ и поступкахъ?

Психологъ, не только метафизикъ, но и эмпирикъ старой школы, замыкался въ себя и, чаще всего, со стороны,—иногда урывками, тайкомъ—наблюдалъ ближнихъ, не допрашивая, какъ слѣдуетъ, ни себя, ни ихъ; собирая эти отрывочныя наблюденія, онъ строилъ теоріи и болѣе или менѣе смѣлыя гипотезы, которыхъ не провѣрялъ и не давалъ средства другимъ провѣрить, ибо не сообщалъ обыкновенно документовъ, на основаніи которыхъ дѣлалъ свои выводы.

Задача и основной смыслъ *экспериментальной психологіи* заключается именно въ томъ, чтобы прекратить эту замкну-

---

нія великихъ проблемъ жизни и духа; сама она не имѣетъ никакихъ стремленій—спиритуалистическихъ, матеріалистическихъ или монистическихъ, она—наука о фактахъ природы и больше ни о чемъ" (стр. 172).

*) Мы разумѣемъ здѣсь, между прочимъ, возможность экспериментировать надъ впечатлѣніями, чувствами и мыслями, которыя возбуждаютъ въ людяхъ созданія мысли и творчества *прежнихъ* поколѣній, и изучать экспериментально процессы мышленія, творчества и др. въ *настоящемъ* ихъ примѣненіи (См. ниже).

тую, скрывающую концы свои, работу самонаблюденія и наблюденія и поставить всѣ обобщенія психологіи на почву точнаго изученія, допрашиванія, провѣрки, какъ это дѣлаютъ другія науки опыта. Значитъ ли это, что психологія экспериментальная должна навсегда отказаться отъ рѣшенія важнѣйшихъ для человѣческаго духа проблемъ, которыя ставила психологія метафизическая?—Нисколько: проблемы психологіи во всей своей своеобразности останутся такими точно, какими онѣ были до сихъ поръ, ибо эти проблемы—не выдумка, а реальный фактъ. Онѣ сами суть *факты психологіи человѣка* и, какъ таковые, подлежатъ изученію и рѣшенію помощью *экспериментальнаго* метода.

Слѣдуетъ ли, далѣе, изъ того положенія, что психологія должна стать экспериментальной наукой, заключать, что ея *методы* должны быть аналогичны методамъ такъ называемыхъ физическихъ наукъ и должны состоять только въ изученіи физическихъ и физіологическихъ условій психическихъ состояній, процессовъ и продуктовъ?—Отнюдь нѣтъ: психическіе факты останутся навсегда особыми, *психическими* фактами, совершенно отличными отъ физическихъ и физіологическихъ, и требующими особыхъ пріемовъ и методовъ изученія. Психофизика и психофизіологія—только преддверіе *настоящей* экспериментальной психологіи, которая будетъ изучать экспериментально чисто психическіе факты въ ихъ своеобразной природѣ,—какъ факты сознанія, мысли, чувства, хотѣнія и психическаго дѣйствія Въ этомъ направленіи уже работаютъ многіе представители экспериментальной психологіи на западѣ, изучая, наприм., *экспериментально* процессы воспріятія, памяти, ассоціаціи идей—въ ихъ психическомъ содержаніи и отношеніяхъ, независимо отъ сопровождающихъ ихъ физіологическихъ процессовъ. Вѣдь и физіологія своеобразно изучаетъ нѣкоторые физіологическіе процессы, независимо отъ химическихъ и физическихъ моментовъ, которые въ нихъ входятъ.

Это не значитъ, что психологъ долженъ быть невѣждою въ физіологіи и анатоміи организма. Не слѣдовало бы въ

наше время *ни одному* образованному человѣку, а тѣмъ болѣе ученому, да еще психологу, пребывать въ невѣдѣніи относительно строенія и функцій человѣческаго и вообще животнаго организма. Элементы анатоміи и физіологіи, какъ и всѣхъ прочихъ естественныхъ наукъ, должны скоро стать предметомъ общаго образованія. Тѣмъ не менѣе, задачи экспериментальной психологіи существенно шире задачъ психофизіологіи и психофизики, и послѣднія могутъ входить въ составъ первой только какъ части, составляя переходную область между „экспериментальной физіологіей“ и „экспериментальной психологіей“. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ вполнѣ, необходимо разобрать своеобразныя черты психологическаго наблюденія и психологическаго эксперимента—въ отличіе отъ физическаго наблюденія и эксперимента.

II.

Психологическое наблюденіе, на какой бы ступени оно ни стояло, на какой бы объектъ ни обращалось, есть прежде и главнѣе всего *самонаблюденіе*, но не въ смыслѣ стараго пріема *самосозерцанія нашего* „я“—въ отвлеченныхъ его свойствахъ, способностяхъ и отрѣшенной отъ вещества субстанціальности, а лишь въ томъ смыслѣ, что отдѣльные психическіе факты въ ихъ собственно *психическомъ* содержаніи, какъ факты ощущенія, представленія, чувства, хотѣнія и проч., даны только *самосознанію* и никакими внѣшними чувствами наблюдаемы быть не могутъ. Внѣшними чувствами мы можемъ наблюдать только *проявленія* и *выраженія* душевныхъ состояній, а не самыя эти состоянія, которыя, какъ таковыя, даны только въ самосознаніи каждаго субъекта. Въ этомъ основномъ положеніи согласны между собою всѣ современные психофизіологи запада и всѣ представители психологіи экспериментальной. „Наши ощущенія, эмоціи и желанія представляютъ наше личное достояніе, доступное только намъ самимъ“ (Бине, стр. 185). Да едва ли такая элементарная истина и можетъ возбуждать какія-либо сомнѣнія и разногласія.

Поэтому, если мы дѣлаемъ наблюденія надъ чужою душевною жизнію по ея выраженіямъ и проявленіямъ, то съ процессами этой душевной жизни можемъ знакомиться только въ той степени, въ какой мы одарены способностью *симпатически переживать сами*, реально или идеально (помощью воображенія), эти чужія душевныя состоянія. При этомъ, какъ мы увидимъ далѣе, для постановки такого изученія чужой душевной жизни на почву экспериментальную, весьма существенно, если не безусловно необходимо, добровольное и сознательное *участіе въ экспериментѣ* другихъ лицъ, душевная жизнь которыхъ изучается, — участіе, выражающееся въ сообщеніи ими экспериментатору, тѣмъ или другимъ способомъ, *своихъ самонаблюденій*. Всѣ науки естественныя, до физіологіи включительно, наблюдаютъ и изучаютъ факты природы при помощи внѣшнихъ чувствъ, преимущественно-же зрѣнія. Но видѣть факты психическіе невозможно, ибо они не имѣютъ никакихъ пространственныхъ очертаній, никакихъ физическихъ формъ, цвѣтовъ и другихъ подобныхъ свойствъ. Поэтому психическіе факты доступны наблюденію только путемъ *внутренняго чувства*, называемаго самосознаніемъ, и могутъ быть изучаемы только при участіи самонаблюденія. Доступныя-же внѣшнимъ чувствамъ выраженія ихъ въ движеніяхъ, мимикѣ, словѣ, письменахъ и иныхъ знакахъ, суть лишь *символы*, толкованіе которыхъ неизбѣжно въ извѣстномъ смыслѣ субъективно, т.-е. основано опять на самонаблюденіи нашемъ, на наблюденіи нами въ себѣ душевныхъ состояній, которыя мы *сами* переживаемъ по поводу этой символики чужихъ душевныхъ состояній, непосредственно намъ недоступныхъ. Отличіе экспериментальной психологіи отъ простой наблюдательной заключается въ томъ, что для устраненія субъективности въ толкованіи чужихъ психическихъ состояній мы прибѣгаемъ къ показаніямъ и свидѣтельствамъ *самихъ лицъ*, ихъ переживающихъ, такъ что самонаблюденіе изъ единичнаго становится *коллективнымъ*. Свое самонаблюденіе мы *провѣряемъ* самонаблюденіями другихъ людей и, искусственно вы-

зывая въ цѣломъ рядѣ субъектовъ (съ ихъ собственнаго согласія) тѣ или другія психическія перемѣны, явленія и процессы, изслѣдуемъ—на основаніи ихъ показаній—составъ, взаимную связь и причинную зависимость душевныхъ фактовъ *). Таковъ общій смыслъ и таковы общія особенности психологической экспериментаціи. Разсмотримъ теперь подробнѣе элементы, которые въ нее входятъ.

Первымъ и главнымъ элементомъ ея, какъ мы уже показали, является *самонаблюденіе.* Спрашивается: можетъ ли самонаблюденіе быть орудіемъ точнаго и объективнаго изученія психическихъ состояній и фактовъ? Со времени Огюста Конта многіе естествоиспытатели и представители точной науки повторяютъ банальную фразу о недостовѣрности (субъективности) и даже невозможности самонаблюденія. *Недостовѣрно*-де оно потому, что когда субъектъ наблюдаетъ *самого себя*, а не природу внѣ себя, то неизбѣжно вноситъ въ толкованіе душевныхъ состояній свои субъективныя (индивидуальныя) особенности, состоящія въ извѣстномъ индивидуальномъ складѣ представленій, понятій, чувствъ, стремленій, склонностей, вѣрованій и проч. *Невозможно же* оно потому, что въ сущности, когда въ сознаніи что-либо происходитъ, то все вниманіе сосредоточено на переживаемомъ душевномъ состояніи и мы не можемъ его наблюдать иначе, какъ по воспоминанію, такъ какъ если перенесемъ центръ тяжести сознанія на это наблюденіе, то наблюдаемое состояніе исчезнетъ или такъ ослабѣетъ, что уже точное воспріятіе его, какъ реальнаго факта, станетъ невозможно. На этихъ софизмахъ, весьма напоминающихъ древніе софизмы элейца Зенона о летящей стрѣлѣ и объ Ахилесѣ и черепахѣ, направленные „противъ реальности движенія“, основано несправедливое недовѣріе къ самонаблюденію, какъ органу познанія душевныхъ состояній.

Если добросовѣстно *психологически* разобрать элементы

---

*) О коллективномъ или сравнительномъ самонаблюденіи см. у Бине стр. 156, 158 и слѣд.

внѣшняго наблюденія и самонаблюденія, то вопросы о степени достовѣрности, объективности и возможности того и другого придется рѣшить не только въ смыслѣ равноправности обоихъ способовъ изученія дѣйствительности, но даже въ смыслѣ нѣкоторыхъ существенныхъ преимуществъ самонаблюденія.

Въ области внѣшняго чувства и основаннаго на немъ наблюденія физическихъ явленій возможны тоже ошибки, происходящія отъ иллюзій чувствъ, а также совершенно субъективнаго или предвзятаго толкованія воспріятій. Вообще необходимо сознать ясно и разъ навсегда, что *субъективность* и *объективность*—свойства ума, а не воспріятія, что онѣ наступаютъ *только* съ момента *толкованія* воспріятій, т.-е. отнесенія ихъ къ объектамъ, которые суть лишь представленія, составленныя изъ другихъ воспріятій, и соотнесенія отдѣльныхъ воспріятій другъ съ другомъ. Еще Давидъ Юмъ полтораста лѣтъ тому назадъ совершенно правильно утверждалъ, что возможность заблужденія всецѣло лежитъ въ операціяхъ мысли, а не внѣ ея, т.-е. въ возможности неправильнаго отнесенія идей къ впечатлѣніямъ, съ которыми онѣ не имѣютъ ничего общаго, и обратно. Сами по себѣ, и ощущенія, и представленія, и идеи, какъ психическіе факты, всѣ одинаково реальны и истинны. Субъективность сводится къ неправильному толкованію отношеній между ними и причинами, ихъ вызвавшими,—подъ вліяніемъ извѣстныхъ чувствъ, склонностей и вообще индивидуальныхъ особенностей душевнаго склада наблюдателя и истолкователя. Но эта субъективность въ равной мѣрѣ возможна при толкованіи *внѣшнихъ*, и *внутреннихъ* воспріятій, и если мы, благодаря логическимъ свойствамъ и законамъ нашего ума, способны отрѣшаться отъ нея въ толкованіи внѣшнихъ воспріятій, то въ той же мѣрѣ можемъ быть объективны въ анализѣ и въ истолкованіи внутреннихъ воспріятій. Въ психологіи личный интересъ можетъ даже иногда содѣйствовать точности и глубинѣ самонаблюденій *).

*) Ср. Бине. „Введ. въ эксперим. психологію“, стр. 161: „Мы выдвигаемъ на первый планъ, по ихъ значенію, такія самонаблюденія, которыя произво-

Что же касается до *возможности* точнаго „самонаблюденія“, то она доказывается самою возможностью точнаго „наблюденія“, ибо всякое наблюденіе есть прежде всего форма самонаблюденія. Вѣдь мы можемъ наблюдать міръ только сквозь призму своихъ *ощущеній*, т.-е. наблюдая свои ощущенія, какъ *душевныя* состоянія, вызываемыя внѣшними намъ событіями и перемѣнами. Мы познаемъ въ *ихъ* качествахъ и отношеніяхъ міръ и его явленія. Если мы, при этомъ, умѣемъ точно различать и отожествлять свои ощущенія, какъ показатели и символы внѣшнихъ фактовъ, то только въ силу способности нашей къ точному и отчетливому самонаблюденію. Наблюдая что-либо: химическое вещество или процессъ, физическое явленіе, предметъ неодушевленный, растеніе, животное, органическую клѣтку въ микроскопъ и проч , мы наблюдамъ *только свои ощущенія*, т -е. непрерывно *самонаблюдаемъ*, и если мы не замѣчаемъ, что имѣемъ при этомъ дѣло съ двумя различными фактами—своимъ *психическимъ состояніемъ*, которое направляемъ, измѣняемъ и регулируемъ, и его *содержаніемъ*, какъ символомъ внѣшнихъ событій,—то это происходитъ отъ непривычки анализировать свои психическіе процессы. Но если такъ, то - есть если никакое наблюденіе не обходится безъ самонаблюденія, то почему самонаблюденіе возможно и можетъ быть точно, только когда оно имѣетъ объектомъ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ? Очевидно, что коренная способность „точнаго объективнаго самонаблюденія“ должна простираться и на воспріятіе нами нашихъ представленій, чувствованій, эмоцій, стремленій, какъ объективныхъ фактовъ внутренняго опыта. Намъ говорятъ, что для психологическаго самонаблюденія нужно постоянное *раздвоеніе сознанія и вниманія*. Но способность такого раздвоенія есть именно *основное свойство* нашей „психики“, какъ говорятъ натуралисты, т.-е. нашего сознанія, ума, души, — какой бы

дятся какимъ-либо лицомъ въ видахъ его личнаго интереса, напр. самонаблюденія въ формѣ признанія или исповѣди, дѣлаемой врачу, священнику, начальнику(?)“.

терминъ мы ни употребили. Раздвоеніе на *субъектъ* и *объектъ*, на наблюдителя и наблюдаемое—самый первоначальный фактъ сознанія, ибо всякій объектъ есть наше же душевное состояніе—*наше* ощущеніе, чувствованіе, представленіе или иное психическое состояніе: вѣдь „нѣтъ никакого объекта внѣ субъекта,—внѣ нашихъ психическихъ состояній, называемыхъ воспріятіями". И какъ нѣтъ надобности ни въ какомъ *искусственномъ* раздвоеніи сознанія, чтобы слѣдить за своими ощущеніями, воспріятіями, представленіями, относящимися къ внѣшнему міру, такъ нѣтъ никакой надобности въ такомъ раздвоеніи, чтобы правильно слѣдить за своими психическими состояніями, какъ таковыми, и наблюдать ихъ свойства и отношенія. Конечно, точное, отчетливое и безошибочное ихъ различеніе, отождествленіе и вообще наблюденіе есть дѣло навыка, опыта, развитія и даже нѣкотораго искусства, но вѣдь то же самое можно сказать и о способности точнаго воспріятія и анализа *внѣшнихъ* ощущеній: и она не дается сразу и составляетъ результатъ навыка, упражненія и развитія. Въ точномъ наблюденіи явленій природы помощью нашихъ внѣшнихъ чувствъ люди науки упражняются и изощряются давно. Въ точномъ же наблюденіи своихъ психическихъ состояній,—ихъ теченія, связи, взаимной зависимости,—до сихъ поръ болѣе изощрялись художники, особенно художники слова, чѣмъ люди науки. Нельзя хорошо научиться тому, что отрицаешь и признаешь безплоднымъ. Люди же науки, даже иногда психологи, не сознавали необходимости пріобрѣтенія особыхъ навыковъ, опыта и искусства въ самонаблюденіи. Иногда, правда, способность глубокаго объективнаго самонаблюденія, какъ и всесторонняго и отчетливаго внѣшняго наблюденія, есть прямо особый талантъ, и въ этомъ отношеніи нѣкоторые геніальные художники слова проявляли удивительную проницательность и превосходство свое надъ психологами и философами. Но и среди послѣднихъ Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Локкъ, Кантъ, Шопенгауэръ и десятки другихъ, обладали своего

рода геніальностью или выдающимся талантомъ самонаблюденія, изощрявшимся до необычайной тонкости путемъ упражненія. Отсюда—возможность какъ объективной правды въ художественномъ воспроизведеній психическихъ типовъ, характеровъ и явленій, такъ и объективной (научной) истинности психологическихъ наблюденій и обобщеній глубокихъ мыслителей. Если прибавить къ этому, что психологическое самонаблюденіе, благодаря экспериментальной методѣ, пріобрѣтаетъ еще и средство *провѣрки* фактовъ и обобщеній, добытыхъ одною личностью, фактами внутренняго опыта другихъ личностей, то станетъ ясно, что самонаблюденіе, какъ орудіе научнаго изслѣдованія, въ основаніяхъ своихъ стоитъ нисколько не ниже наблюденія. Нужно только сознавать ясно различіе *объектовъ* того и другого и необходимость такого же изощренія самонаблюденія, какого достигло внѣшнее наблюденіе.

Различіе объектовъ сводится къ тому, что внѣшнее наблюденіе имѣетъ дѣло съ *протяженными* величинами, количествами и мѣрами, къ которымъ сводятся въ концѣ концовъ и всѣ качества этихъ объектовъ. Самонаблюденіе имѣетъ дѣло съ фактами сознанія, которые не сводимы на „протяженныя“ величины, мѣры и количественныя отношенія. Есть, правда, въ области самосознанія три рода отношеній, которыя повидимому можно считать въ той или другой степени количественными: это—отношеніе душевныхъ состояній по интенсивности (степени ясности, отчетливости), по продолжительности (времени теченія и пребыванія въ сознаніи) и по степени сложности и простотѣ (элементы и болѣе или менѣе сложные продукты). Но мѣра всѣхъ этихъ отношеній особая, *внутренняя*, называемая субъективной въ томъ смыслѣ, что она дана только въ „субъектѣ“, въ самосознаніи, и что къ ней никакъ неприложимы пространственныя измѣренія. Это значитъ, что если и можно говорить о количественныхъ отношеніяхъ и величинахъ въ самосознаніи, то совсѣмъ съ особой точки зрѣнія. Эти количества и величины совершенно реальны, но несоизмѣримы съ ко-

личествами и величинами внѣшнихъ чувствъ, называемыми „физическими“. Но если мы вдумаемся въ основанія понятій „количества и величины“, какъ они даны въ абстрактной математикѣ, то признаемъ, что эти понятія и не включаютъ въ себя первоначально идеи конкретныхъ пространственныхъ отношеній. Послѣдніе составляютъ лишь форму и частный случай первыхъ. Поэтому, неприложимость къ сознанію *протяженныхъ мѣръ* не исключаетъ возможности особаго количественнаго анализа психическаго содержанія, имѣющаго *свои* психическія единицы и измѣренія. Такъ уже психофизики показали возможность принятія за простую единицу при измѣреніи ясности и интенсивности психическаго состоянія едва замѣтное (для самосознанія) увеличеніе этой ясности. При измѣреніи времени психическихъ процессовъ есть тоже едва замѣтная для самосознанія единица скорости душевныхъ явленій, которая не всегда можетъ быть сопоставлена съ мѣрами физическаго движенія (быстрота смѣны представленій и картинъ въ сновидѣніи). При измѣреніи сложности душевныхъ состояній есть свои простѣйшія единицы—ощущенія, какъ элементы представленій, представленія какъ элементы понятій, понятія какъ элементы сужденій, сужденія какъ элементы умозаключеній, и т. д. Такими же единицами въ области эмоцій являются простѣйшія чувствованія удовольствія и боли,—въ области желаній и хотѣній—составляющія ихъ элементарныя стремленія, и проч.

Такимъ образомъ, и въ сферѣ анализа сознанія возможны извѣстная механика и даже—химія, конечно совсѣмъ другого рода, чѣмъ въ области анализа физическихъ движеній вещества и его явленій. Слѣдовательно, и самонаблюденіе можетъ быть въ своемъ родѣ *точнымъ*, особенно если научныя обобщенія психологіи, на немъ основанныя, будутъ *экспериментально* провѣряться путемъ сличенія множества индивидуальныхъ самонаблюденій.

Но самонаблюденіе не только можетъ быть точнымъ и доступнымъ экспериментальной провѣркѣ, какъ и наблюденіе

внѣшнихъ явленій (физическихъ перемѣнъ и движеній): оно имѣетъ даже извѣстныя преимущества передъ наблюденіемъ, въ смыслѣ точности и отчетливости. Внутреннія воспріятія психическихъ явленій и процессовъ непосредственны: мы сознаемъ факты своего сознанія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ даны—въ этомъ и заключается особенность *психическихъ явленій*, какъ предметовъ опыта и познанія. Напротивъ того явленія внѣшняго міра мы воспринимаемъ не непосредственно, а какъ мы показали выше, чрезъ призму своихъ психическихъ состояній, а именно *ощущеній*, которыя суть только *символы* физическихъ событій и перемѣнъ, а не самыя эти событія. Физическое явленіе, какъ движеніе въ той средѣ, которую мы называемъ веществомъ, производитъ раздраженіе периферическихъ частей нашего организма. Эти раздраженія, чрезъ различныя посредствующія органическія ткани, передаются периферическимъ окончаніямъ нервовъ, отъ послѣднихъ чрезъ нервныя волокна идутъ извѣстные нервные токи въ систему центральныхъ органовъ—и мы *ощущаемъ* непосредственно извѣстные органическіе процессы въ мозговой корѣ. Какъ бы ни былъ совершенно устроенъ и приспособленъ къ воспріятію внѣшнихъ матеріальныхъ движеній весь этотъ сложный нервный механизмъ, несомнѣнно, что ощущенія внѣшнія, какъ психическія событія, суть отдаленное и многократно отраженное *эхо физическихъ движеній среды*, тогда какъ воспріятія внутреннія, состоящія *въ сознаніи фактовъ нашего сознанія*, ничѣмъ не опосредствованы и имѣютъ дѣло съ природой объекта, какъ онъ данъ самъ по себѣ,—а не съ символами его. Поэтому сознаніе свое мы знаемъ и можемъ наблюдать и изучать гораздо полнѣе и точнѣе, чѣмъ внѣшній міръ, и если мы въ немъ что-либо отожествляемъ и различаемъ, то ничего не можетъ быть достовѣрнѣе такого отожествленія и различенія. И если другой намъ говоритъ: я теперь чувствую другое, чѣмъ прежде, или то же самое, то мы можемъ ему гораздо болѣе вѣрить, чѣмъ если гистологъ намъ говоритъ, что онъ видѣлъ въ микроскопъ двѣ различныя клѣт-

ки. Тутъ могла быть иллюзія зрѣнія, а въ самосознаніи сознаніе другимъ человѣкомъ различія его состояній есть уже eo ipso фактъ различія. Трудность для экспериментальной психологіи состоитъ поэтому вовсе не въ орудіи изученія психическаго содержанія—самонаблюденіи, такъ какъ внутренній опытъ не можетъ обманывать (сама иллюзія есть несомнѣнное душевное состояніе и дѣлается иллюзіей лишь въ процессѣ толкованія связи этого душевного состоянія съ тѣмъ или другимъ фактомъ внѣшняго міра, извѣстнымъ изъ другихъ воспріятій). Трудность для экспериментальной психологіи заключается *въ способѣ передачи, объясненія, описанія моего душевнаго состоянія другому лицу и въ правильномъ истолкованіи имъ моего душевнаго состоянія.* Для этого нужны символы словесные, письменные или иные, и въ эти символы можетъ быть вложено мною и экспериментаторомъ разное содержаніе, отчего и произойдутъ ошибки въ толкованіи имъ самыхъ фактовъ и процессовъ, которые онъ во мнѣ наблюдаетъ. Это соображеніе приводитъ насъ къ необходимости тщательнѣе разсмотрѣть условія *наблюденія чужой душевной жизни*—по ея знакамъ, выраженіямъ и проявленіямъ.

III.

Наблюденіе и истолкованіе чужихъ душевныхъ состояній, въ противоположность самонаблюденію, не только гораздо труднѣе и сложнѣе внѣшняго наблюденія физическихъ фактовъ, но оно въ извѣстныхъ случаяхъ прямо невозможно и не можетъ зависѣть отъ доброй воли и искусства наблюдателя. Особенная сложность его заключается въ томъ, что къ тому механизму *внѣшняго воспріятія,* который мы выше описали, присоединяется еще весьма сложный механизмъ выраженія *своего* душевнаго состоянія другимъ субъектомъ, или психическимъ существомъ,—въ физическихъ знакахъ и символахъ. Этотъ механизмъ выраженія имѣетъ всѣ тѣ же моменты, какъ и механизмъ воспріятія, но они даны въ обратномъ порядкѣ. Психическое состояніе производитъ извѣстныя измѣненія въ центральной нервной

системѣ, передаваемыя по нервамъ въ мышцы, которыя и производятъ соотвѣтственное физическое движеніе, извнѣ нами наблюдаемое,—будь это движеніе мышцъ лица, органа рѣчи, или другихъ органовъ наблюдаемаго субъекта. Если такія движенія рефлекторны, то они имѣютъ, конечно, извѣстное постоянство, правильность и закономѣрность, дающую возможность судить о душевномъ состояніи другого существа. Но вѣдь такія *рефлекторныя* выраженія, преобладающія у животныхъ и у маленькихъ дѣтей и соотвѣтствующія болѣе простымъ, часто безсознательнымъ или полусознательнымъ душевнымъ состояніямъ, постепенно ослабѣваютъ и вытѣсняются произвольными и намѣренными, руководимыми *сознаніемъ* выраженіями душевныхъ состояній у людей взрослыхъ, развитыхъ, достигшихъ самосознанія. Но тутъ-то и наступаютъ всевозможныя трудности для наблюдателя.

Важнѣе всего то, что человѣкъ развитой въ большей или меньшей степени научается не только отчетливо выражать, но и скрывать свои душевныя состоянія — ощущенія, мысли, чувства, эмоціи, стремленія, желанія, намѣренія. Слово, какъ самое важное орудіе выраженія душевныхъ состояній, есть въ то же время лучшее орудіе лжи, притворства, скрытности. L'art de la parole, справедливо замѣтилъ Даламберъ, est si près de l'art du mensonge. „Чужая душа—потемки", если только человѣкъ самъ желаетъ, чтобъ она была потемками для окружающихъ. Очевидно, для наблюденія чужой душевной жизни необходимо, чтобы другой человѣкъ добровольно и искренно допустилъ насъ къ этому наблюденію, а тамъ, гдѣ мы наблюдаемъ душевную жизнь другихъ существъ безъ ихъ согласія, тайкомъ, урывками, мы въ состояніи приходить только къ догадкамъ и къ самымъ общимъ и приблизительнымъ выводамъ, могущимъ имѣть только практическое, а *не теоретическое,* т.-е. научное, значеніе. Оттого люди обыкновенно такъ плохо понимаютъ другъ друга, такъ мало знаютъ, такъ невѣрно толкуютъ, приписывая другимъ не тѣ мысли, чувства, мотивы дѣятельности, которыя дѣйствительно ихъ одушев-

ляютъ. „Судить по себѣ“—самое обычное дѣло; вкладывать въ другого свое психическое содержаніе—для многихъ роковая неизбѣжность. Истинное пониманіе чужихъ душъ дается только людямъ съ самымъ богатымъ, разнообразнымъ и глубокимъ собственнымъ душевнымъ содержаніемъ. Геніальныя сцены Достоевскаго—разговоры слѣдователя Порфирія Петровича съ Раскольниковымъ и три свиданія Ивана Карамазова съ Смердяковымъ могутъ служить лучшей иллюстраціей той фатальной невозможности проникнуть въ чужую душу „безъ согласія наблюдаемаго субъекта“ и той высшей проницательности, которою обладаютъ нѣкоторые художники съ богатымъ собственнымъ душевнымъ содержаніемъ—въ пониманіи изгибовъ чужой душевной жизни, о которыхъ мы только-что говорили. Психологическое наблюденіе надъ другими, безъ ихъ участія, по остроумному выраженію Достоевскаго, даетъ въ результатѣ „психологію о двухъ концахъ“. Свободное краснорѣчіе прокуроровъ и адвокатовъ находитъ себѣ пищу въ шаткости результатовъ психологическаго наблюденія чужихъ душевныхъ процессовъ, а судъ присяжныхъ—глубоко-психологическая попытка „методомъ *коллективнаго самонаблюденія*“ исправить ошибки „внѣшняго“ психологическаго наблюденія, ибо „судъ совѣсти“ есть, конечно, прежде всего судъ, основанный на самонаблюденіи.

Но и помимо трудности познаванія чужой душевной жизни, при помощи внѣшняго наблюденія, *безъ воли и согласія* наблюдаемаго лица, есть другія непреодолимыя затрудненія въ этомъ родѣ психологическаго познанія. Затрудненія эти заключаются: во 1) въ грубости средствъ, которыми обладаетъ человѣкъ для выраженія своей душевной жизни, во 2) въ разнообразіи индивидуальныхъ способовъ внѣшняго выраженія однихъ и тѣхъ же душевныхъ процессовъ и явленій, въ 3) въ полной возможности субъективнаго толкованія выраженій чужихъ душевныхъ состояній.

Грубость и бѣдность средствъ, которыми обладаетъ человѣкъ для выраженія своихъ душевныхъ состояній, лучше

всего подтверждаются тѣмъ фактомъ, что способность болѣе или менѣе адэкватнаго (т.-е. точнаго и отчетливаго) выраженія сложныхъ душевныхъ процессовъ, идеально или реально переживаемыхъ субъектомъ, считается высшимъ и самымъ труднымъ искусствомъ. Всѣ мы болѣе или менѣе отчетливо переживаемъ и понимаемъ душевную жизнь тѣхъ людей, которые изображаются великими писателями въ ихъ художественныхъ и особенно въ драматическихъ произведеніяхъ; но правдивое выраженіе этихъ понимаемыхъ нами душевныхъ процессовъ въ мимикѣ, жестахъ, движеніяхъ, въ интонаціи рѣчи, въ модуляціяхъ голоса, есть рѣдкое искусство, которое пріобрѣтается нѣкоторыми актерами, при особыхъ природныхъ талантахъ, долгимъ и упорнымъ трудомъ. И мы цѣнимъ въ актерахъ именно ихъ способность своею тонкою игрой заставлять всѣхъ зрителей переживать болѣе или менѣе полно душевную жизнь изображаемыхъ ими лицъ. Большинство людей не только не обладаютъ способностью и искусствомъ передавать идеально переживаемую *чужую* душевную жизнь, но и отчетливо отражать въ выраженіяхъ свою *собственную* реальную психическую жизнь, когда они даже искренно хотятъ, чтобы другіе ее поняли и проявили къ ней сочувствіе. Какъ больно страдаютъ отъ этой неспособности—вѣрно и ясно передать свои мысли, чувства, желанія—не только маленькія дѣти, но позднѣе школьники и школьницы, потомъ влюбленные и мечтающіе юноши и дѣвицы, затѣмъ и иные взрослые и разумные люди, для которыхъ овладѣть искусствомъ передачи своихъ идей, настроеній и стремленій—неодолимо трудная задача. Зависитъ это отъ природной бѣдности и условности средствъ выраженія.

Мимика физіономіи, жестовъ и движеній отражаетъ у большинства людей лишь самый общій тонъ переживаемыхъ ими чувствованій, эмоцій, аффектовъ. Тонкіе и быстрые переливы чувствъ, варіаціи въ смѣнѣ желаній и волненій и, особенно, сложные процессы мысли мимика неспособна выразить. Поэтому толкованіе игры величайшихъ актеровъ,

при всей ея тонкости и совершенствѣ, все-таки бываетъ весьма разнообразно и противорѣчиво въ подробностяхъ. Слово—самое сильное и богатое рессурсами орудіе выраженія душевной жизни; но и оно передаетъ только общіе итоги и общіе этапы реальнаго душевнаго процесса, а не всѣ тончайшіе изгибы душевной дѣятельности и моменты умственнаго или даже эмоціональнаго процесса. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово какъ средство отчетливаго выраженія душевной жизни, очень сложное искусство, которымъ обладаютъ не многіе и которое пріобрѣтается сравнительно поздно. Чтобы правильно пользоваться „словомъ“ для выраженія своихъ душевныхъ состояній, надо глубоко *владѣть* словомъ, умѣть взвѣшивать „слова“, знать всѣ оттѣнки ихъ значенія, подбирать ихъ въ извѣстной связи и послѣдовательности. Вся эта работа и самое произнесеніе словъ требуютъ извѣстнаго времени, далеко не соотвѣтствующаго скорости смѣны самихъ мыслей и другихъ душевныхъ процессовъ. Поэтому, самый лучшій ораторъ-импровизаторъ въ своей быстрой и плавной рѣчи передаетъ только итоги своихъ умственныхъ операцій и душевныхъ настроеній, а не весь реальный процессъ мысли и чувствованія, въ немъ совершающійся. Для передачи этого послѣдняго у человѣка, еслибъ онъ и пожелалъ этого, *нѣтъ пока никакихъ средствъ*. Оттого, даже когда привычные мыслители-діалектики спорятъ другъ съ другомъ, то они рѣдко совершенно точно понимаютъ другъ друга и иногда, послѣ долгаго обмѣна мнѣній, приходятъ къ счастливому открытію, что они въ существѣ дѣла согласны между собою и „спорили только о словахъ“. А мысли ихъ уже были даны готовыми сначала, но не было средствъ ихъ выразить такъ ясно и отчетливо, чтобы передать другъ другу сразу.

Такіе факты конечно, зависятъ не только отъ бѣдности способовъ выраженія душевнаго процесса (и мимика, и слово, между прочимъ, всегда отстаютъ въ развитіи своемъ отъ развитія внутренней душевной гибкости),—но и отъ „относитель-

ности значенія" всѣхъ знаковъ и символовъ выраженія. Разнообразіе языковъ, ихъ грамматическаго и даже логическаго строя, ясно указываютъ на то, что слово —совершенно условный и относительный знакъ понятія. Но и между индивидуумами, пользующимися, для выраженія психической жизни своей, однимъ и тѣмъ же языкомъ, возможно большое разногласіе въ способѣ пользованія словами, оборотами рѣчи, и тѣми или другими грамматическими построеніями для выраженія мыслимыхъ ими понятій, слагающихся въ ихъ умѣ сужденій и умозаключеній, а потому—часто—взаимное непониманіе людей основано только на различномъ пониманіи словъ и терминовъ. Мимика лица и жестовъ тоже не заключаетъ въ себѣ ничего абсолютнаго и непосредственно закономѣрнаго. Какъ остроумно доказалъ Дарвинъ въ сочиненіи „О выраженіи чувствованій у человѣка и животныхъ", даже нѣкоторые, самые привычные и общіе способы выраженія душевныхъ состояній у людей, суть не что иное, какъ наслѣдственныя привычки и глубокія переживанія изъ иныхъ эпохъ развитія человѣческаго существа. Попытки цѣлаго ряда серіозныхъ и талантливыхъ писателей (кромѣ Дарвина) создать точную науку о выраженіяхъ,—писателей, между которыми достаточно упомянуть Лафатера въ XVIII ст., Чарльза Белля („Анатомія и физіологія выраженій", 1806), Лемуана, Грасіоле, Дюшенна (Механизмъ физіономіи) и д-ра Пидерита (Мимика и физіономія), пока не увѣнчались успѣхомъ. Опыты, начатые Дюшенномъ *) съ цѣлью опредѣлить путемъ искусственнаго раздраженія отдѣльныхъ мышцъ лица и ихъ группъ, однообразныя для всѣхъ людей системы мышечныхъ сокращеній, соотвѣтствующія опредѣленнымъ эмоціямъ, чрезвычайно интересны, но врядъ ли дадутъ какіе-либо научноцѣнные результаты. Вѣдь способы мимическаго выраженія все-таки останутся въ значительной степени *индивидуальными*. Это доказывается уже различіемъ нравовъ у разныхъ народовъ и въ разныхъ классахъ общества—относительно

*) См. его атласъ въ упомянутомъ сочиненіи.

способовъ взаимнаго привѣтствія, манеръ и пріемовъ держать себя въ обществѣ и выражать другъ другу симпатію, антипатію, уваженіе, презрѣніе, ненависть и т. д. Но и у того же народа, въ томъ же обществѣ, даже въ одной и той же семьѣ способы индивидуальнаго выраженія чувствъ и волненій, передачи мыслей, и проч.,—весьма разнообразны. Одни люди плачутъ, когда другіе смѣются,—одни выражаютъ бурно и ярко ничтожныя чувства и слабыя эмоціи, другіе проявляютъ слабо глубокія чувства и сильные аффекты, а третьи совсѣмъ ихъ скрываютъ въ себѣ, или даже умѣютъ выражать противуположное тому, что чувствуютъ. Все зависитъ отъ темперамента, характера, преобладающихъ склонностей и идей. Оттого, даже великіе актеры выражаютъ одни и тѣ же драматическія положенія, порывы страсти и иныя душевныя движенія различными способами и манерами, хотя часто одинаково совершенно. Подобно тому, какъ одну и ту же мысль можно выразить разными словами и ихъ комбинаціями не только на различныхъ, но и на одномъ и томъ же языкѣ, такъ и путемъ мимики одни и тѣ же душевныя состоянія—эмоціи, чувства, стремленія—могутъ быть выражаемы различными путями и способами, которые въ цѣломъ своемъ составѣ одинаково вѣрно передаютъ общій тонъ душевнаго состоянія, но однако, какъ мы видѣли, еще не выражаютъ тонкихъ индивидуальныхъ оттѣнковъ и изгибовъ душевной жизни даннаго субъекта въ настоящій моментъ его сознанія.

Поэтому-то въ 3) возможно и неизбѣжно совершенно субъективное толкованіе чужихъ душевныхъ состояній, по ихъ выраженіямъ въ словѣ и мимикѣ. Чужое выраженіе лишь постольку является символомъ чужого душевнаго состоянія, поскольку оно заставляетъ *самихъ насъ* идеально переживать это самое душевное состояніе. Такимъ образомъ, въ наблюденіи и истолкованіи чужой душевной жизни все дѣло сводится именно къ тому, что я самъ переживаю душевное состояніе, аналогичное душевному состоянію ближняго. Тожества тутъ никогда не можетъ быть, а можетъ быть имен-

но только большая или меньшая аналогія, и въ концѣ концовъ наблюденіе, очевидно, все-таки и здѣсь сводится къ самонаблюденію. Возможно широкое и разнообразное, частое и внимательное наблюденіе чужихъ душевныхъ состояній и процессовъ чрезвычайно полезно и важно для психолога въ томъ отношеніи, что оно заставляетъ его идеально переживать, подъ вліяніемъ общенія съ другими субъектами, цѣлый рядъ такихъ душевныхъ состояній, которыя могли бы въ его собственномъ сознаніи и опытѣ никогда и не встрѣтиться,—такъ что этимъ путемъ значительно и даже необозримо расширяется сфера его самонаблюденій. Но совершенно ясно, что было бы непростительной иллюзіей предполагать, что, наблюдая другихъ, мы наблюдаемъ *ихъ подлинную* душевную жизнь, а не свою собственную, *ими порождаемую*. И тутъ-то выступаетъ на сцену важность извѣстной организаціи, т.-е. природныхъ способностей и таланта человѣка—путемъ воображенія и внутренняго творчества постоянно идеально перевоплощаться въ другія личности и объективно жить ихъ жизнію. Это—даръ, особенно свойственный геніальнымъ художникамъ, актерамъ и нѣкоторымъ психологамъ и мыслителямъ,—природный даръ, требующій однако развитія, работы и достигающій настоящей высоты „искусства“ лишь въ рѣдкихъ личностяхъ. Замѣчательна при этомъ та черта, что самые лучшіе художники-наблюдатели, обладающіе выдающеюся способностью тонкаго наблюденія чужой душевной жизни и переживанія ея, тѣмъ не менѣе иногда весьма неудовлетворительно, какъ и всѣ смертные, понимаютъ и толкуютъ душевные процессы тѣхъ реальныхъ личностей, съ которыми сталкиваются и даже живутъ подъ однимъ кровомъ, въ непрерывномъ общеніи *).

Это непониманіе близкихъ людей со стороны великихъ художниковъ-психологовъ иногда даже пропорціонально высотѣ ихъ таланта творческаго перевоплощенія въ чужія психиче-

*) Историческіе примѣры такихъ фактовъ достаточно многочисленны и всѣмъ извѣстны.

скія личности, что̀ особенно наглядно доказываетъ вѣрность мысли, что художникъ воспринимаетъ и переживаетъ не реальные чужіе душевные процессы, а лишь свои собственные, идеально построенные силой воображенія и понятые глубиной самонаблюденія. Любопытно, что даже и въ жизни простыхъ смертныхъ заурядным является фактъ „наименьшей степени“ пониманія душевной жизни самыхъ близкихъ людей: мужъ часто не понимаетъ жену, жена не понимаетъ мужа, родители не понимаютъ дѣтей, дѣти—родителей, тогда какъ тѣ же люди иногда сравнительно хорошо умѣютъ понимать и толковать душевный складъ тѣхъ ближнихъ, съ которыми рѣже сталкиваются. Отъ чего это происходитъ?—А именно отъ того, что въ толкованіе чужой душевной жизни всегда входятъ элементы личнаго переживанія, воображенія, разсужденія и умственнаго творчества: при частомъ общеніи все болѣе и болѣе накопляется этихъ чисто субъективныхъ элементовъ, которые глубже и ярче запоминаются, нежели чисто *объективные* факты и проявленія чужой душевной жизни, и потому пропорція субъективныхъ элементовъ въ ихъ отношеніи къ объективнымъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, и можетъ наступить моментъ, когда уже никакія новыя „объективныя“ проявленія настоящей душевной жизни окружающихъ не въ состояніи вытѣснить ложнаго и извращеннаго „субъективнаго“ образа личности близкаго намъ человѣка. Тогда и наступаетъ часто та катастрофа полнаго душевнаго разрыва, которая такъ извѣстна изъ наблюденія жизненной практики, и которая является обычной основой семейныхъ драмъ: непримиримыхъ ссоръ между родственниками и домашними, между старыми друзьями и близкими товарищами...

Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка основъ и свойствъ процесса наблюденія чужой душевной жизни, надѣемся, достаточно выяснился тотъ фактъ, что главную основу этого наблюденія составляетъ опять самонаблюденіе, и что для выполненія задачи строго *научнаго* анализа чужой душевной жизни, на основаніи ея выраженій, *помимо само-*

наблюденія, нѣтъ никакихъ точныхъ и незыблемыхъ критеріевъ. Правда, мы обладаемъ какъ будто бы способностью какого-то непосредственнаго, не поддающагося никакому раціональному анализу, но иногда замѣчательно тонкаго проникновенія въ чужую душевную лабораторію и—по глазамъ, по неуловимымъ въ отдѣльности черточкамъ мимическаго выраженія, интонаціямъ голоса и т. п.—умѣемъ вѣрно отгадывать душевное состояніе и мысли другихъ людей, даже если они самымъ тщательнымъ образомъ скрываютъ ихъ отъ насъ; но можно ли пользоваться такою, иногда исключительною, способностью для цѣлей научнаго изученія и анализа? Чѣмъ объяснить указанные только-что факты? Особыми ли, неизвѣстными еще наукѣ, путями и органами психическаго общенія, аналогичными тѣмъ, которыя лежатъ въ основѣ гипнотическаго воздѣйствія и подчиненія гипнотизированію чужой волей и сознаніемъ, или обычными, особенно интенсивно и быстро происходящими (незамѣтными для самосознанія) процессами воспріятія, умозаключенія и творчества, которыя совершаются въ наблюдателѣ и обнаруживаютъ особенную, но совершенно нормальную чуткость его нервной системы? Предоставляемъ рѣшеніе этого любопытнаго вопроса будущей психологіи. Во всякомъ случаѣ, факты доказываютъ, что подобное интуитивное чтеніе въ чужихъ душахъ—мыслей, чувствъ, настроеній, намѣреній,—все-таки въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ безошибочно и гораздо чаще приводитъ къ промахамъ и роковымъ недоразумѣніямъ. Отсюда ясно, что дѣло сводится въ концѣ концовъ къ тому же процессу самонаблюденія, т.-е. симпатическаго переживанія и наблюденія въ своемъ самосознаніи душевныхъ состояній другихъ субъектовъ, подъ вліяніемъ неуловимо-быстрой ассимиляціи душевныхъ настроеній. Если мужчина по взгляду женщины (или обратно) угадываетъ ея сильную любовь, или непонятнымъ для него путемъ, по взгляду же, обнаруживаетъ, что другой человѣкъ ему солгалъ, или по неуловимой мимикѣ вѣрно опредѣляетъ, что́ именно *хотѣлъ* сказать его собесѣдникъ, хотя—на основаніи словъ его—этого рѣшить было не-

возможно, или отгадываетъ чужую, тщательно скрываемую душевную тревогу, заботу, надежду, то во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ все-таки наблюдаетъ непосредственно свои собственныя мысли, чувства, волненія, симпатически пробужденныя общеніемъ съ другимъ человѣкомъ. И потомъ, если онъ часто отгадываетъ вѣрно, то еще чаще ошибается, воображая превратно, что его любятъ, когда его только жалѣютъ, что его серіозно обманываютъ, когда его морочатъ и надъ нимъ подсмѣиваются, что его боятся, когда его на самомъ дѣлѣ презираютъ, что его ближній страдаетъ нравственно, когда въ дѣйствительности у него только болитъ и ноетъ зубъ...

„Чужая душа—потемки", и всякое наблюденіе есть только видоизмѣненное самонаблюденіе. Таковъ общій результатъ нашего анализа. Оттого хорошіе люди считаютъ дурныхъ хорошими, а дурные приписываютъ хорошимъ дурные мотивы. Сужденіе о реальной душевной жизни другихъ людей всегда болѣе или менѣе субъективно, и *объективнымъ* можетъ быть только очищенное логическою мыслью отъ всякихъ субъективныхъ элементовъ *самонаблюденіе*. Отсюда вытекаетъ необходимость совершенно своеобразнаго толкованія и особенной постановки психологическаго *эксперимента*. Къ анализу вопроса объ основахъ и задачахъ психологической экспериментаціи, на указанной нами почвѣ, мы теперь и перейдемъ.

IV.

Возможенъ ли вообще *чисто-психологическій* экспериментъ? Вопросъ мы ставимъ такимъ образомъ потому, что опытъ послѣднихъ десятилѣтій въ достаточной мѣрѣ доказалъ возможность и пользу смѣшанныхъ—*психофизическихъ* и *психофизіологическихъ* экспериментовъ. Однако, въ нашей наукѣ господствуютъ еще довольно сбивчивыя понятія объ отношеніи этихъ формъ эксперимента къ чисто-психологическимъ опытамъ. „Психофизическій экспериментъ,—говоритъ Вундтъ *),—ставитъ себѣ задачей производить путемъ фи-

*) Logik. II. Methodenlehre. Lpz. 1883, стр. 483.

зическихъ воздѣйствій измѣненія въ состояніи сознанія, изъ которыхъ можно было бы дѣлать заключенія относительно происхожденія, состава и теченія „во времени“ психическихъ процессовъ. Поэтому его цѣли совершенно отличны отъ цѣлей физіологическаго эксперимента, который изслѣдуетъ всегда только физическіе жизненные процессы, между тѣмъ какъ въ психофизическомъ экспериментѣ физіологическія воздѣйствія служатъ исключительно для изслѣдованія психическихъ явленій и ихъ законовъ. Этотъ экспериментъ пользуется поэтому всегда внутреннимъ воспріятіемъ (innere Wahrnehmung), которое онъ однако старается освободить отъ неустойчивости, какою оно само по себѣ отличается, строго урегулированною принудительностью физіологическихъ воздѣйствій“ *). „Психофизическій экспериментъ,—продолжаетъ Вундтъ далѣе,—ставитъ себѣ *три логическія задачи:* 1) выясненіе отношеній, въ которыхъ элементарные психическіе феномены находятся къ сопровождающимъ ихъ физическимъ и физіологическимъ процессамъ (методъ *психофизики* въ тѣсномъ смыслѣ), 2) изслѣдованіе психологическаго состава и законовъ образованія сложныхъ представленій, 3) изслѣдованіе теченія (пробѣга—Verlauf) „во времени“ представленій по ихъ количественнымъ и качественнымъ отношеніямъ[14])“...„Послѣдніе два метода относятся къ экспериментальной психологіи въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь физическое воздѣйствіе является только вспомогательнымъ средствомъ для вызыванія извѣстныхъ психическихъ реакцій“.

Изложенныя воззрѣнія Вундта на отдѣлы и задачи экспериментальной психологіи, конечно, особенно интересны, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что именно неутомимымъ изслѣдованіямъ этого германскаго ученаго мы обязаны развитіемъ и обособленіемъ экспериментальной психологіи въ отдѣльную спеціальную науку съ обширнымъ составомъ но-

*) Тамъ же, стр. 484.

[14]) Этотъ отдѣлъ экспериментальной психологіи въ послѣднее время получилъ преимущественное названіе *психометріи*.

выхъ задачъ, методовъ точнаго изслѣдованія и съ остроумными приспособленіями, въ видѣ множества психо-физическихъ приборовъ, что и привело къ учрежденію въ европейскихъ и американскихъ университетахъ десятковъ богато снабженныхъ психофизическихъ кабинетовъ и лабораторій. Но несмотря на большой авторитетъ Вундта, мы осмѣливаемся высказать мысль, что Вундтъ даетъ *недостаточно точное и ясное* опредѣленіе задачъ *настоящей психологической* экспериментаціи, путая въ одномъ смутномъ понятіи *психофизики вообще* настоящую психофизику съ психофизіологіей и „экспериментальной психологіей“ въ тѣсномъ смыслѣ, отчего зависѣла отчасти односторонность и недостаточная плодотворность (въ психологическомъ отношеніи) работъ, которыя производились до сихъ поръ, какъ въ его лабораторіи, такъ и въ другихъ, устроенныхъ по ея типу *).

Главныхъ ошибокъ Вундта въ опредѣленіи задачъ и разграниченіи областей экспериментальной психологіи двѣ. Одна заключается въ томъ, что, безусловно признавая общее положеніе, что „вся психологія основана *на внутреннемъ опытѣ*“ **), онъ все-таки преувеличиваетъ вспомогательное значеніе внѣшняго опыта въ психологической экспериментаціи. Другая состоитъ въ томъ, что онъ не раз-

---

*) Когда мы писали эту главу, мы еще не имѣли въ рукахъ недавно вышедшей переработанной Вундтомъ 2 части II тома его Methodenlehre (Stuttgart, 1895). Теперь намъ удалось достать ее. Хотя здѣсь В значительно расширяетъ взглядъ на психологическій экспер. и его перспективы, но все же повторяетъ мысль, что во всѣхъ психологич. экспериментахъ непремѣнно нужны «physische Einwirkungen» и что «im diesen Sinne kann es natürlich nur psychophysische Experimente geben», хотя изученіе физическихъ воздѣйствій только Hulfsmittel, а не Zweck (См. главу «Die allgemeine Bedeutung der experimentellen Methode für die Psychologie»). Точно также въ другой главѣ (Die Physiologie als psychologische Hulfswissenschaft und die Psychophysik) онъ по прежнему настаиваетъ на томъ, что «Alle experimentellen Methoden der Psychologie nehmen die Physiologie in Anspruch», что въ эксперим. психологіи «*es keine rein psychischen*, sondern nur psychophysische Objecke giebt» (стр. 227). Мы съ обоими взглядами несогласны.

**) Тамъ же (1-е изд.), стр. 482 и слѣд. Ср. 2-е изд. стр. 170 и слѣд.

личаетъ достаточно ясно *трехъ* совершенно раздѣльныхъ *задачъ* въ области психологической экспериментаціи въ обширномъ смыслѣ слова.

Скажемъ сначала о послѣдней ошибкѣ. Изучая душевную жизнь, мы можемъ *логически* ставить себѣ три задачи, но не тѣ, о которыхъ говоритъ Вундтъ, а именно 1) опредѣленіе зависимости и связи психическихъ явленій и процессовъ съ физическими явленіями и воздѣйствіями *среды*, 2) опредѣленіе связи и зависимости душевныхъ явленій и процессовъ отъ физіологическихъ процессовъ и анатомическихъ условій въ *организмѣ*, 3) опредѣленіе чисто-психическихъ отношеній—связи и зависимости *между психическими явленіями, законами и процессами, какъ таковыми* *). Первая область изслѣдованій составляетъ содержаніе *психофизики*. Сюда относится, наприм., проблема Фехнера о зависимости интенсивности ощущеній отъ интенсивности раздраженій, а также отчасти проблема психометріи, состоящая въ опредѣленіи *времени* различныхъ психическихъ реакцій на болѣе или менѣе сложныя внѣшнія раздраженія. Вторая область есть область *психофизіологіи*, съ которою тѣсно связана и область *психопатологіи*. Сюда принадлежатъ, наприм.: изслѣдованіе проблемъ локализаціи душевной дѣятельности въ мозгу и другихъ центрахъ нервной системы; изслѣдованіе строенія и функцій периферическихъ органовъ ощущенія въ связи съ ролью ихъ въ процессахъ воспріятія, а въ частности, наприм., изслѣдованіе значенія мышечной дѣятельности въ представленіяхъ о пространственныхъ отношеніяхъ и протяженныхъ величинахъ; изслѣдованіе вопроса о дѣйствіи ядовъ на сознаніе, чрезъ посредство производимыхъ ими измѣненій въ нервной си-

---

*) Въ упомянутомъ второмъ изданіи 2 части II тома Methodenlehre (стр. 173 и сл) Вундтъ уже и самъ говоритъ о *третьей* стадіи въ развитіи экспериментальной методы въ психологіи, когда признана была возможность изучать отношенія и связи чисто психическихъ процессовъ *между собою*, а не съ физическими и физіологическими процессами, хотя и придаетъ наблюденію этихъ послѣднихъ и пользованію ими, какъ средствомъ, то преувеличенное значеніе, на которое мы только что указали.

стемѣ; изслѣдованіе зависимости различныхъ психическихъ разстройствъ отъ патологическихъ измѣненій въ строеніи и функціонированіи нервной системы, и т. п. Третья область есть собственно область *психологіи* и сюда относится всестороннее изученіе законовъ связи, зависимости и иныхъ отношеній всѣхъ психическихъ процессовъ и явленій между собою въ отношеніи состава, преемства, способовъ возникновенія и развитія, и т. д. Вундтъ называетъ и эту область изученія, насколько оно можетъ быть, по его мнѣнію, поставлено на строго экспериментальную почву, „психофизикой въ обширномъ смыслѣ“. Но правильно ли такое расширеніе понятія „психофизики“?

Несомнѣнно, что Вундтъ, а за нимъ и десятки и даже сотни его послѣдователей, впадаютъ здѣсь въ странное недоразумѣніе. Изъ того факта, что психическое взаимодѣйствіе субъектовъ, взаимное ихъ психическое вліяніе другъ на друга и искусственное пробужденіе въ другихъ лицахъ новыхъ психическихъ состояній, для цѣлей *экспериментальнаго* изслѣдованія, происходитъ при посредствѣ *физической* среды и съ участіемъ *физіологическихъ* процессовъ,—отнюдь не слѣдуетъ, что это вліяніе, воздѣйствіе и ихъ эффектъ въ сознаніи—должно называть „психофизическими“. Вѣдь изъ того факта, что психическія состоянія, т.-е. ощущенія, воспріятія, представленія и даже процессы мышленія, являются *необходимыми условіями* (conditio sine qua non) въ опытахъ физика, химика и физіолога, мы не дѣлаемъ заключенія, что физику (науку о явленіяхъ вещества) надо называть *психо*физикой, химію — *психо*химіей, физіологію растеній и животныхъ — *психо*физіологіей и т. д. Въ этихъ наукахъ мы изучаемъ физическіе, химическіе и физіологическіе процессы и явленія въ веществахъ и организмахъ, хотя и при посредствѣ своихъ ощущеній и вообще психическихъ процессовъ (ибо иное изученіе и познаніе чего-либо и невозможно), но *совершенно независимо* отъ вопроса о природѣ этихъ послѣднихъ и о непосредственномъ вліяніи ихъ на химическія, физическія и физіологическія ученія науки. Точно также,

если въ психологическомъ *наблюденіи* и даже въ самихъ психическихъ *процессахъ* и психическомъ *взаимодѣйствіи* субъектовъ присутствуютъ извѣстные физическіе и физіологическіе моменты, то это еще не значитъ, что психологію слѣдуетъ называть психофизикой или психофизіологіей, какъ скоро она задается цѣлью изученія чисто *психическаго содержанія* того или другого субъекта, *независимо* отъ сопровождающихъ физическихъ и физіологическихъ процессовъ. Иначе мы спутаемъ всѣ понятія наукъ: исторія окажется тоже органической химіей и физіологіей, такъ какъ въ организмахъ историческихъ дѣятелей совершаются химическіе и физіологическіе процессы, филологія окажется физикой и физіологіей, такъ какъ въ развитіи языка играетъ роль звуковой элементъ и участвуютъ органы рѣчи, гистологія окажется психологіей зрѣнія, такъ какъ ея наблюденія слагаются при помощи зрительныхъ ощущеній, и проч.

Физическое и психическое въ природѣ, и въ познаніи, — нераздѣльны; различные роды физическихъ процессовъ (наприм. механическихъ, чисто-физическихъ, химическихъ и т. д.) тоже взаимно переплетаются въ реальныхъ фактахъ жизни природы. Но предметы и задачи наукъ все-таки различаются тщательно, *сообразно объектамъ*, ими изучаемымъ и мысленно отлекаемымъ изъ того реальнаго единства „природнаго существованія“, въ которомъ они сложно перепутаны.

Чистая экспериментальная психологія, какъ и *вообще психологія*, есть поэтому та наука, которая изучаетъ законы и связи душевныхъ явленій, состояній, фактовъ,—совершенно независимо отъ *значенія и характера* физическихъ и физіологическихъ явленій и процессовъ, сопровождающихъ психическую дѣятельность и психическое взаимодѣйствіе субъектовъ.

И въ *этой* психологіи, какъ мы выше показали, главную роль играетъ самонаблюденіе или внутренній опытъ, а внѣшній опытъ имѣетъ значеніе совершенно побочное,—какъ въ химіи и физикѣ, наоборотъ, главная роль принадлежитъ *внѣшнему* опыту, тогда какъ *внутренній*, посредствомъ кото-

раго мы несомнѣнно отдаемъ себѣ отчетъ въ своихъ „ощущеніяхъ химическихъ и физическихъ явленій“ и въ мысляхъ о нихъ *), имѣетъ значеніе второстепенное. Недостаточное сознаніе этого факта было *второй* роковой ошибкой Вундта, которая всецѣло объясняется тѣмъ, что онъ, въ сущности, раздѣляетъ отчасти предразсудокъ позитивистовъ и матеріалистовъ о коренной „субъективности, недостовѣрности, и неточности“ самонаблюденія, какъ органа познанія **). Ему кажется, что внутренній опытъ, на которомъ зиждется, однако, „вся психологія“, и основанное на немъ объективное наблюденіе психической жизни можетъ быть объективнымъ и точнымъ „только подъ условіемъ *принудительнаго* воздѣйствія строго урегулированныхъ *физіологическихъ* условій психической дѣятельности“. Но можно ли сказать, что, наприм., „экзаменаторъ“, производящій экспериментъ допроса ученика, съ цѣлью опредѣленія уровня его познаній въ извѣстномъ предметѣ, который онъ потомъ оцѣниваетъ точною цифрою балла, да еще часто съ минусомъ или плюсомъ въ придачу,—озабоченъ „принудительнымъ урегулированіемъ физіологическихъ условій своего умственнаго общенія съ ученикомъ?“ Намъ скажутъ, что этотъ экспериментъ и не бываетъ никогда точнымъ, вслѣдствіе чего баллы,—да еще съ минусами и плюсами,—столь же игрушечно-точные измѣрители дѣйствительныхъ познаній учениковъ, какъ и показанія извѣстныхъ игрушечныхъ „thermomètres d'amour“ или лепестковъ маргаритки относительно дѣйствительной силы страсти молодыхъ людей разнаго пола другъ къ другу. Съ этимъ мы вполнѣ согласимся. Но такіе *неточные* чисто-психологическіе эксперименты (безъ примѣси физики и физіологіи) нисколько не исключаютъ возможности *болѣе* и даже *совершенно* точныхъ, хотя и столь же отдаленныхъ отъ пріемовъ физики и физіологіи.

Въ экзаменныхъ экспериментахъ нисколько не соразмѣрены результаты оцѣнки (общій выводъ о познаніяхъ ученика

*) См. выше, стр. 577.

**) См. во 2-мъ изд. главу «Die zufällige innere Wahrnehmung».

въ языкѣ или въ извѣстномъ отдѣлѣ математики, выражаемый балломъ) съ дѣйствительными средствами, которыя употребляются для ихъ полученія. Но если точно соразмѣрять *психологическія задачи* съ *путями* и *средствами*, которыя даны для ихъ рѣшенія, то a priori можно предполагать, что получаемые результаты будутъ точны и строго научны.

Поэтому мы теперь нѣсколько видоизмѣнимъ и подробнѣе разберемъ вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей главы, а именно: возможенъ ли *чисто-психологическій*, но *совершенно точный, научно-достовѣрный экспериментъ*, какъ путь къ рѣшенію разнообразныхъ психологическихъ проблемъ?

V.

Прежде всего нужно обозрѣть возможные *виды* или *формы* настоящаго психологическаго эксперимента, независимо отъ вопроса о его точности и научной достовѣрности. Теоретически, психологическій экспериментъ можно дѣлить на три главные вида: 1) экспериментъ *надъ собою*, надъ своими собственными психическими состояніями, процессами и дѣятельностью, 2) экспериментъ надъ *другими психическими существами*, безъ ихъ вѣдома, согласія и участія, 3) экспериментъ надъ *другими* психическими существами, съ ихъ вѣдома, согласія, и при ихъ сознательномъ участіи. Возможны ли на самомъ дѣлѣ всѣ эти формы психологическаго эксперимента и каково ихъ значеніе?

Экспериментомъ или опытомъ въ обширномъ смыслѣ слова называется „всякое произвольное измѣненіе человѣкомъ какихъ-либо явленій для полученія предполагаемаго опредѣленнаго результата, провѣряемаго сознаніемъ". Напр., если человѣкъ сѣетъ въ землю сѣмена растенія, чтобы получить это растеніе, и провѣряетъ результаты, то онъ совершаетъ экспериментъ. Если онъ устраиваетъ печь, чтобъ она нагрѣвала его жилище, то онъ производитъ экспериментъ. Если художникъ разставляетъ предметы такъ, чтобъ они производили извѣстное художественное впечатлѣніе, то онъ дѣлаетъ экспериментъ. *Въ наукѣ* экспериментомъ называется

такое произвольное измѣненіе явленій, которое могло бы дать въ результатѣ *возможность болѣе достовѣрнаго и полнаго ихъ познанія*. Но цѣль познанія есть только *одна* изъ многочисленныхъ цѣлей, которыя можетъ себѣ ставить экспериментаторъ, когда онъ намѣренно производитъ новыя явленія или измѣняетъ отношенія существующихъ. Поэтому научный экспериментъ есть только частная форма эксперимента въ обширномъ смыслѣ (experior—испытываю) *).

Въ этомъ обширномъ смыслѣ слова вся наша психическая жизнь, насколько она произвольна, т.-е. направляется и видоизмѣняется волей въ виду извѣстныхъ цѣлей, есть „непрерывная цѣпь экспериментовъ надъ собою“ и, точно также, все наше активное психическое воздѣйствіе на другихъ людей, насколько оно имѣетъ сознательною цѣлью измѣненіе ихъ душевныхъ состояній и поступковъ, есть „рядъ экспериментовъ второго и третьяго изъ указанныхъ выше видовъ“ **).

Мы экспериментируемъ надъ собою, когда идемъ въ театръ или въ концертъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе или расширить свой эстетическій кругозоръ смотрѣніемъ пьесы или слушаніемъ музыки. Мы совершаемъ психологическій экспериментъ, когда беремъ книгу и читаемъ ее для того, чтобы чему-либо научиться или просто развлечься. Изложеніе своихъ мыслей въ письмѣ или въ статьѣ есть тоже психологическій экспериментъ, но уже не только надъ собою, а и надъ другими людьми, „для которыхъ“ пишешь. Игра актера есть психологическій экспериментъ его и надъ собою, насколько она должна явиться точнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ извѣстнаго типа, характера или психическаго положенія, и надъ зрителями, на которыхъ игра эта должна произвести извѣстное психическое дѣй-

---

*) Experimentis cognitum erat genus Numidum infidum esse Cic. Tusc. 3, 30, 74.

**) Что касается до нашей пассивной психической жизни, то Вундтъ справедливо замѣчаетъ, что вся она есть родъ эксперимента, производимаго надъ нами *природой* (jeder Sinneseindruck ist gewissermassen ein Experiment das die Natur an uns anstellt, стр. 175, 2-го изд.).

ствіе. Такой же „двойной психологическій экспериментъ"— надъ собою и надъ другими—производятъ всѣ художники, ораторы, педагоги, когда они творятъ, излагаютъ, учатъ. Всякій споръ и умственное состязаніе есть также двойной экспериментъ — надъ собою и другими. Психологическіе эксперименты надъ другими мы можемъ дѣлать съ ихъ вѣдома, участія и согласія, или безъ ихъ вѣдома и участія, даже противъ ихъ воли—насильно. Воспитаніе является совокупностью экспериментовъ того и другого порядка: наказаніе есть, наприм., всегда „насильственный" психологическій экспериментъ. Въ судебное слѣдствіе, которому подвергаются виновники преступленія, входитъ всегда рядъ экспериментовъ второго порядка. Допросъ свидѣтелей и очная ихъ ставка могутъ заключать въ себѣ также черты эксперимента „безъ согласія и сознательнаго участія" тѣхъ, кто ему подвергается. Экзаменъ, устный и письменный, есть обыкновенно экспериментъ, производимый съ согласія и участія экзаменующагося,—точно также какъ и экспериментъ актера, музыканта, писателя, и художника вообще,—надъ зрителемъ, слушателемъ, читателемъ и созерцателемъ художественнаго произведенія.

Мы не будемъ умножать этихъ примѣровъ, имѣвшихъ цѣлью только показать, какъ разнообразны, обильны и повседневны чисто-психологическіе эксперименты человѣка надъ собою и другими людьми, совершенно чуждые всякаго психофизическаго и психофизіологическаго элемента. Всѣми этими и другими, имъ подобными, способами искусственнаго измѣненія психическаго содержанія, — своего и чужого,— можно пользоваться для цѣлей психологическаго изученія. Вопросы, которые подлежатъ теперь нашему обсужденію, состоятъ въ томъ: 1) какое относительное значеніе *для науки*, т.-е. для *точнаго* и *вполнѣ достовѣрнаго теоретическаго познанія* психическихъ явленій и законовъ, могутъ имѣть эксперименты трехъ указанныхъ видовъ, 2) какъ ихъ *обставить* и *организовать* ради этой *научной* задачи?

Разсмотримъ сначала первый вопросъ. Чисто-психологи-

ческіе эксперименты, совершаемые человѣкомъ надъ самимъ собою, имѣютъ обыкновенно *практическое* значеніе. Человѣкъ стремится въ этихъ опытахъ доставить себѣ извѣстное удовольствіе, обогатить свой умъ знаніями, переработать свои навыки и привычки, подавить извѣстныя чувства и склонности, выработать свою волю и характеръ, выразить и воплотить въ формы свою мысль, свое чувство, продукты своего творчества, свои стремленія и намѣренія. Эксперименты надъ своею психическою жизнью могутъ имѣть и теоретическую задачу „научнаго самопознанія“, и есть, конечно, люди, которые, видя главную свою цѣль и находя особенное удовольствіе въ познаніи законовъ душевной жизни, способны отвлекаться въ экспериментахъ надъ своими психическими процессами отъ всякаго практическаго интереса и даже приносить эти практическіе свои интересы въ жертву теоретической задачѣ познанія душевныхъ явленій.

Но эти люди представляютъ рѣдкое исключеніе даже среди психологовъ, посвятившихъ всю свою жизнь познанію психологическихъ законовъ. Несомнѣнно, что такіе люди должны имѣть, кромѣ свѣтлой головы и научно-философской эрудиціи, большую дозу самообладанія. Рефлектирующіе надъ каждымъ своимъ психическимъ процессомъ люди встрѣчаются иногда не только среди психологовъ, философовъ и художниковъ, но и среди остальныхъ смертныхъ. Но послѣдніе не умѣютъ и не могутъ объективно и строго научно обставлять эксперименты надъ своею душевною жизнью. Поэтому, за крайне рѣдкими исключеніями, изолированный психологическій экспериментъ надъ своею душевною жизнію не можетъ имѣть научно-объективной цѣны. Экспериментъ надъ собою можетъ пріобрѣтать настоящую научную цѣну только при постоянной повѣркѣ его психологическими экспериментами надъ другими людьми и существами; самъ же по себѣ онъ можетъ только содѣйствовать болѣе глубокой научной постановкѣ вопросовъ и уясненію проблемъ психологіи, но не можетъ окончательно оправдывать ихъ рѣшенія.

При естественномъ взаимномъ недовѣріи людей психологъ даже и не повѣритъ результатамъ эксперимента не только непсихолога, но и другого психолога надъ самимъ собою, если они не провѣрены самолично, или не подтверждены опытами другихъ людей,—точно также, какъ настоящій химикъ, физикъ и гистологъ не повѣрятъ результатамъ личнаго эксперимента своего коллеги, если онъ не провѣренъ ими самими или не подтвержденъ опытами цѣлаго ряда другихъ лицъ и авторитетовъ науки.

Если спросить себя, что даетъ вообще характеръ „полной достовѣрности экспериментальнымъ выводамъ науки", то отвѣтомъ будетъ, что эта достовѣрность пріобрѣтается въ *наукѣ*, какъ и въ судебномъ процессѣ, *показаніями свидѣтелей*. Еслибы даже самъ покойный Гельмгольцъ констатировалъ извѣстное новое физическое явленіе или фактъ, еслибы Менделѣевъ открылъ новое химическое соединеніе, Вальдейеръ новую органическую клѣтку въ мозговой корѣ, еслибъ покойный Пастеръ открылъ новую патогенную бактерію, то мы бы имъ не повѣрили до тѣхъ поръ, пока ихъ наблюденія и выводы не подтвердили бы другіе спеціалисты по физикѣ, химіи, гистологіи и бактеріологіи. Слѣдовательно, и эксперименты психолога надъ самимъ собою нуждаются въ подтвержденіи другихъ психологовъ или другихъ психическихъ субъектовъ, испытавшихъ тѣ же явленія, процессы и психологическіе факты, которые добыты „самоэкспериментаціей психолога". Нельзя дѣлать окончательные выводы въ наукѣ на основаніи изученія экземпляровъ предмета или явленія однимъ только ученымъ, видѣнныхъ имъ, но никому не показанныхъ. А психологъ экспериментаторъ свои подлинныя душевныя явленія никому показать не можетъ. Поэтому въ психологіи, болѣе чѣмъ во всякой другой наукѣ опыта, настоящее научное значеніе можетъ имѣть только *коллективный экспериментъ*. При этомъ, конечно, показанія спеціалистовъ и вообще лицъ, болѣе развитыхъ и имѣющихъ навыкъ въ наблюденіи и анализѣ явленій внутренняго опыта, важнѣе показаній не спеціалистовъ и особенно людей, не-

привыкшихъ къ самонаблюденію, напр. дѣтей,—хотя спеціалистъ-психологъ, экспериментируя надъ собою, можетъ иногда, какъ впрочемъ и натуралистъ, напр. физикъ, подъ вліяніемъ излюбленной теоріи, впасть въ заблужденіе. Для устраненія такого заблужденія и нужна взаимная повѣрка самонаблюденій.

Общій нашъ выводъ тотъ, что чисто-психологическіе эксперименты надъ собою, хотя они не только возможны, но могутъ имѣть существенную теоретическую цѣну, въ смыслѣ пособія при постановкѣ научно-психологическихъ проблемъ, не имѣютъ, однако, рѣшающаго значенія для науки психологіи—безъ экспериментальной провѣрки выводовъ посредствомъ *коллективнаго опыта*. Экспериментальная психологія несомнѣнно нуждается въ „сравнительномъ экспериментальномъ изученіи психическихъ явленій и процессовъ многихъ психическихъ существъ“. Но каковы условія и смыслъ этого изученія?

Въ виду всего сказаннаго нами выше о шаткости основъ внѣшняго психологическаго изученія чужой душевной жизни на основаніи ея выраженій и проявленій, совершенно ясно, что экспериментъ надъ этой чужою душевной жизнію, безъ вѣдома, согласія и участія другихъ людей, подвергаемыхъ экспериментаціи, не можетъ имѣть большой научной цѣны. И дѣйствительно, если другое лице нисколько не будетъ помогать намъ, добровольно и сознательно, въ уясненіи того, что оно душевно испытываетъ подъ нашимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, то мы не будемъ имѣть никакого ручательства въ томъ, что *наше* толкованіе его психическихъ процессовъ, на основаніи ихъ выраженій, строго объективно и правильно. Какъ можемъ мы объ этомъ знать? Можетъ-быть мы судимъ по себѣ, или извращаемъ факты подъ вліяніемъ предвзятой теоріи, или невѣрно толкуемъ выраженія? Объективнаго научнаго критерія въ такихъ опытахъ не можетъ быть. Мы хорошо знаемъ трудное положеніе экзаменатора, когда ученикъ не хочетъ или не можетъ обнаружить предъ нимъ своихъ познаній,—непріят-

ное положеніе врача, когда больной не желаетъ разсказать ему своихъ ощущеній, — тяжелое положеніе судьи, когда подсудимый искусно притворяется или запирается. Ключъ отъ чужой души всегда спрятанъ въ сердцѣ или въ умѣ ея обладателя.

Несомнѣнно, что если возможна научная чисто-психологическая экспериментація, то только на почвѣ *коллективнаго самонаблюденія,* т.-е. добровольнаго и сознательнаго участія въ психологическомъ экспериментѣ нѣсколькихъ лицъ, самонаблюденія и показанія которыхъ могутъ быть провѣрены другъ другомъ. Но не безразлично при этомъ, какъ мы уже указали, *какія лица и въ какихъ условіяхъ* участвуютъ въ экспериментѣ. Въ виду нѣкоторыхъ особенностей самонаблюденія, чрезвычайно важно правильно обставлять указанные эксперименты — предупреждать въ нихъ обманы и самообманы. И это общее правило приводитъ насъ къ необходимости болѣе подробнаго и тщательнаго анализа вопроса о способѣ организаціи чисто-психологическихъ экспериментовъ для цѣлей научнаго изученія психическихъ явленій, процессовъ и ихъ законовъ.

VI.

Двумя примѣрами мы попытаемся уяснить конкретную обстановку этихъ экспериментовъ.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1884 и 85 году, мы дѣлали коллективные психологическіе эксперименты вмѣстѣ со студентами Новороссійскаго университета, нашими слушателями, для опредѣленія формъ и законовъ ассоціаціи представленій. Читая курсъ психологіи и разбирая законы ассоціативнаго воспроизведенія представленій, мы пришли—на основаніи самонаблюденій и нѣкоторыхъ экспериментовъ надъ собою—къ тому убѣжденію, что законами смежности, послѣдовательности, сходства и контраста вовсе не исчерпываются всѣ типы ассоціацій представленій и ихъ ассоціативнаго воспроизведенія въ памяти. Не говоря уже о причинной связи, которая не совпадаетъ съ простою послѣдовательностью представленій во времени, и которая призна-

валась нѣкоторыми психологами ассоціативной школы за особый принципъ ассоціативнаго воспроизведенія представленій, есть, повидимому, рядъ другихъ логическихъ отношеній, управляющихъ ассоціативнымъ воспроизведеніемъ нашихъ идей, наприм. отношенія подчиненія и соподчиненія понятіямъ. Если я, по поводу слова „домъ", вспоминаю образъ своего дома въ деревнѣ, гдѣ я живу лѣтомъ, то я отъ символа общаго понятія перехожу къ конкретному символу частнаго представленія, которое въ него входитъ. Если я по поводу произнесеннаго слова „болонка" мысленно перехожу къ представленію „лягавой", то это можетъ совершиться не по закону сходства или смежности, а по логическому закону соподчиненія: вѣдь оба представленія связаны въ понятіи „собаки". Провѣрить присутствіе или отсутствіе этого логическаго элемента въ процессахъ ассоціаціи мы пробовали экспериментально и должны сознаться, что для насъ лично эти эксперименты стали рѣшающимъ факторомъ въ дальнѣйшихъ психологическихъ воззрѣніяхъ и построеніяхъ. (Я лично съ тѣхъ поръ сталъ отвергать чисто-механическую точку зрѣнія въ объясненіи законовъ душевныхъ явленій). Предлагая двумъ-тремъ десяткамъ слушателей записывать на бумагѣ, по поводу нѣсколькихъ десятковъ словъ, произнесенныхъ на разстояніи извѣстнаго числа секундъ, первые приходившіе имъ въ голову образы или представленія, мы наглядно убѣдились при совмѣстномъ разборѣ нѣсколькихъ сотъ записей, что процессъ ассоціативнаго воспроизведенія представленій подчиненъ не механическимъ, а чисто-*логическимъ* законамъ. Пространство (смежность), время (послѣдовательность), причинность (зависимость), тожество и противуположность (сходство и контрастъ), подчиненіе и соподчиненіе—таковы *логическія* категоріи ассоціативныхъ соединеній, и ихъ рѣшительно невозможно всецѣло подвести подъ эмпирическіе законы ассоціаціи идей, придуманные англійскими психологами. Скорѣе правъ Кантъ, что есть въ нашемъ умѣ апріорныя логическія и психологическія формы распорядка представленій. Таковъ былъ результатъ

нашихъ экспериментовъ. Само собою разумѣется при этомъ, что голыя записи, какъ объективные факты, не могли имѣть никакого значенія для выводовъ. Приходилось провѣрять *распросами участвующихъ* предполагаемый *дѣйствительный ходъ* ихъ мысли почти въ каждомъ отдѣльномъ ассоціативномъ сочетаніи, и нѣкоторые случаи отвергать какъ негодные, вслѣдствіе невозможности провѣрки ихъ путемъ *самонаблюденія* участниковъ эксперимента. Поэтому экспериментъ былъ именно *коллективнымъ самонаблюденіемъ* *). Мы впослѣдствіи не имѣли случая возобновить эти эксперименты, да и вообще придавали имъ тогда чисто-отрицательное, критическое значеніе — пріема доказательства односторонности и неполноты ассоціативной теоріи: въ то время мы даже нѣсколько сомнѣвались въ общемъ научномъ значеніи *эксперимента* въ психологіи. Но вотъ явилось неожиданное экспериментальное же подтвержденіе значенія указанныхъ опытовъ.

Въ сборникѣ „L'année psychologique, Beaunis и Binet", первый томъ котораго (за 1894 г.) появился въ началѣ нынѣшняго года въ Парижѣ, напечатано замѣчательное, по широтѣ пріемовъ, *оригинальное* экспериментальное изслѣдованіе французскихъ ученыхъ Бине и Виктора Анри надъ законами памяти. Дѣло идетъ объ опытахъ письменнаго воспроизведенія по памяти отдѣльныхъ произнесенныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ. Опыты производились и въ низшихъ классахъ училищъ надъ учениками, и въ лабораторіи надъ спеціально приглашенными для этого лицами. Въ виду важнаго участія самонаблюденія въ толкованіи объективныхъ данныхъ (записей) послѣдніе эксперименты конечно должны имѣть больше значенія. Результатомъ явились остроумно составленныя статистическія и графическія таблицы, а выводъ изъ опытовъ надъ памятью фразъ получился весь-

*) Такіе опыты надъ ассоціаціями идей производились позднѣе и въ лабораторіи Вундта (см работу E. W. Scripture въ Philosophische Studien, 1891. VII. B. 1 Heft). Если они не привели къ одинаковымъ результатамъ, то потому, что задача экспериментаторовъ была нѣсколько иная (чисто психологическая). Здѣсь не мѣсто излагать эти опыты подробно.

ма существенный и оригинальный, вполнѣ подтверждающій общій выводъ, сдѣланный нами изъ произведенныхъ въ Новороссійскомъ университетѣ экспериментовъ надъ процессами ассоціаціи. Память, какъ и ассоціація идей, какъ доказали опыты Бине и Анри, подчинена извѣстнымъ *логическимъ* законамъ. „Les pertes de mémoire,—говорятъ экспериментаторы, подводя итоги своему анализу, — portent sur les parties accessoires du récit et non sur ses parties essentielles, qui se trouvent ainsi comme disséquées; par parties essentielles, il faut entendre celles qui ont une importance psychologiquee et *aussi celles qui ont une importance logique*. La mémoire des phrases, — говорится ранѣе, — est vingt cinq fois supérieure à la mémoire des mots isolés *) (L'année psychologique, I, стр. 58—59). Общій смыслъ этихъ выводовъ экспериментальнаго анализа воспроизведеній памяти по нашему мнѣію тотъ, что ассоціація идей подчинена логикѣ, а не логика законамъ ассоціаціи идей. „Les enfants ont une tendence à simplifier la syntaxe et à remplacer les mots dictés pas der synonimes du langage familier **). Опять чисто-логическій законъ—господства понятія надъ образомъ, а не образа надъ понятіемъ. Вотъ, для примѣра, *чисто-логическій* способъ воспроизведенія на память (немедленно и черезъ двадцать дней) двухъ фразъ, заданныхъ экспериментаторами, причемъ крупный шрифтъ будетъ обозначать *преобладающіе у большинства субъектовъ* эксперимента *воспроизведенія*, а мелкій шрифтъ—слова, которыя преобладающимъ образомъ подвергались забвенію:

1. Une vieille paysanne agée de 64 ans qui habitait une petite maison des Récolets avait conduit son troupeau aux champs. Pendant qu'elle fai-

*) „Потери памяти относятся къ второстепеннымъ частямъ разсказа, а не къ существеннымъ, которыя этимъ путемъ какъ бы отсѣкаются одна отъ другой. Подъ существенными частями мы разумѣемъ психологическую и логическую ихъ важность.—Память фразъ въ 25 разъ превосходитъ память отдѣльныхъ словъ".

**) „Дѣти имѣютъ наклонность упрощать синтаксисъ и замѣнять продиктованныя слова ихъ синонимами изъ обычной разговорной рѣчи". Весьма любопытна въ этомъ отношеніи таблица субституціи словъ, которую даютъ экспериментаторы на стр. 53 своей статьи.

sait de l'herbe pour ses animaux, une vipère cachée derrière les fagots s'élanca sur elle et la mordit à plusieures reprises au poignet. La pauvre femme en est morte.

2. Dimanche plusieurs enfants s'amusaient à faire marcher une machine à mortier. L'un d'eux, Victor Antiquet, eut sa main gauche écrasée dans l'angrenage Il a reçu les premiers soins dans une pharmacie d'où il a été porté chez ses parents *).

Выдѣливъ изъ текста слова, написанныя крупнымъ шрифтомъ и которыя лучше всего запоминались, мы, очевидно, получимъ *логическій скелетъ* данной мысли. И такихъ экспериментальныхъ примѣровъ основныхъ законовъ воспроизведенія приведено авторами изслѣдованія на первый разъ болѣе десяти. Мы отъ души привѣтствуемъ такого рода чисто-психологическую экспериментацію безъ физическихъ приборовъ и физіологическихъ аппаратовъ, которая можетъ быть доступна всѣмъ педагогамъ и даже родителямъ, сколько нибудь занимавшимся психологіей и логикой **)

Нужно быть очень узкимъ эмпирикомъ и весьма посредственнымъ ученымъ, чтобъ отрицать научное значеніе такихъ психологическихъ экспериментовъ и ставить ихъ ниже физіологическихъ и психофизическихъ опытовъ. Тотъ, кто рѣшился бы утверждать, что это только статистика, а не экспериментъ, пусть подумаетъ, сколько именно

*) „*Старая крестьянка* 64 лѣтъ, которая жила въ маленькомъ домѣ Реколе *повела* въ поле *свое стадо*. Пока она готовила траву для своихъ животныхъ, *ехидна* спрятавшаяся въ хворостѣ бросилась на нее и *укусила ее* нѣсколько разъ въ кисть руки. Бѣдная *женщина отъ этого умерла* — *Въ Воскресенье нѣсколько дѣтей забавлялось* приведеніемъ въ ходъ *машины*... *Одному изъ нихъ*, Викторy Антике, *раздавило* лѣвую *руку* въ колесахъ. *Ему сдѣлана* первая *перевязка въ аптекѣ*, откуда его перевезли къ его родителямъ".

**) Совѣтуемъ всѣмъ, интересующимся этими опытами, подробнѣе изучить статьи Бине и Анри о памяти словъ и памяти фразъ, чтобы узнать между прочимъ, какъ искусно и серьезно экспериментаторы пользовались въ этихъ опытахъ *самонаблюденіемъ* экспериментируемыхъ лицъ, для правильнаго толкованія записей: Aussitôt après l'expérience, chaque personne qui venait de servir de sujet était interrogée avec soin sur ses impressions, son état mental, sur les procédés qu'elle avait employés pour retenir les mots (et les phrases?) sur la forme dans laquelle les mots s'étaient conservés dans sa mémoire. Ces divers renseignements ont été écrits immédiatement et forment un assez volumineux dossier, и проч. L'année psycholog. I, стр. 4).

нужно разъ и какому числу наблюдателей посмотрѣть въ микроскопъ, чтобъ убѣдиться въ реальномъ существованіи извѣстной клѣтки или бактеріи. Одного раза, и наблюденій одного наблюдателя тоже недостаточно. Вся наука основана на статистикѣ экспериментовъ, наблюденій и утвержденій. Вся наука—продуктъ *коллективнаго* эксперимента—наблюденія или же самонаблюденія. Другой науки и не существуетъ.

Но все-таки надлежитъ спросить себя, при какихъ условіяхъ этого рода эксперименты могутъ быть наиболѣе производительны для науки.

Бине и Анри, при изложеніи системы своихъ экспериментовъ о памяти, откровенно разсказываютъ о тѣхъ помѣхахъ, какія встрѣчали ихъ опыты—въ привычкѣ учениковъ школы лгать учителямъ, списывать и лицемѣрить. Въ послѣднее время въ литературѣ психологіи начинаютъ входить въ обычай *вопросники*, обращенные къ неизвѣстнымъ лицамъ и просящіе указаній этихъ лицъ относительно ихъ самонаблюденій и субъективныхъ опытовъ въ той или другой области психологическаго изслѣдованій (наприм., въ области явленій психической наслѣдственности, ощущеній, памяти, иллюзій, правдивыхъ галлюцинацій, состава сновидѣній и проч.). *) Всѣ эти *вопросники*, однако, не могутъ имѣть почти *никакого* научнаго значенія,—это все равно, что обращаться къ людямъ улицы съ вопросами о химическомъ составѣ воздуха, о физическихъ законахъ свѣта и т. п. Въ психологическихъ экспериментахъ ученый прежде всего долженъ имѣть дѣло съ опредѣленною личностью или личностями. Если онѣ ему не извѣстны, то ихъ показанія не имѣютъ для него цѣны. Сознательный обманъ и безсознательный самообманъ могутъ извратить результаты любого опыта **).

*) Исторія „Вопросниковъ“ (которые ввелъ англ. ученый, другъ Дарвина, Гальтонъ) и главныя психологическія темы, которыя при ихъ помощи изслѣдовались, излагаются въ упом. выше книжкѣ *Бине*: Введеніе въ эксперим. психологію, Спб. 1895, стр. 167 и слѣд.

**) Это отчасти признаютъ и Бине и Куртье, указывая на малую достовѣрность показаній лицъ незнакомыхъ и отвѣтовъ анонимныхъ (стр. 161), а также на малую цѣну „вопросниковъ“, помѣщаемыхъ въ журналахъ, на которые отвѣ-

Первое правило всякаго психологическаго эксперимента: *возможность полнаго довѣрія* къ личности, подвергаемой психологическому испытанію, какъ и этой личности къ психологу-экспериментатору, для чего конечно необходимо непосредственно другъ друга знать. Второе правило: пользоваться каждымъ субъектомъ для эксперимента только *въ предѣлахъ его психическаго развитія, сознанія и самосознанія*, которое опредѣлимо опять лишь при непосредственномъ знакомствѣ (экспериментальнымъ путемъ). Еслибы, экспериментируя надъ двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ-гимназистомъ, мы попросили его дать намъ отчетъ въ его философскомъ міросозерцаніи и логическихъ элементахъ послѣдняго, то это было бы явнымъ абсурдомъ, но такой вопросъ можно задать зрѣлымъ людямъ съ извѣстнымъ философскимъ развитіемъ. Допрашивая экспериментально природу, мы не дѣлаемъ ошибокъ перспективы, ибо давно научились толково обращаться съ нею. Физіологъ не спрашиваетъ розовый цвѣтокъ о его органахъ чувствъ и объ организаціи его нервныхъ центровъ. Того же метода должно держаться въ области „психологической экспериментаціи". Нужно допрашивать психологически въ предѣлахъ даннаго и доступнаго субъекту, на основаніи нашихъ непосредственныхъ наблюденій и научнаго изученія предмета, психическаго содержанія. Но и при такомъ ограничивающемъ условіи психологическая экспериментація можетъ дать самые богатые результаты, такъ какъ задачи экспериментальной психологіи разнообразны, всеобъемлющи и чрезвычайно глубоки. Мы теперь только намѣтимъ путь къ ихъ открытію и уясненію, и современемъ вернемся къ болѣе подробному обозрѣнію этихъ задачъ *).

чаютъ единицы изъ сотенъ и тысячъ людей. Но не отъ того ли отвѣты рѣдки, что публика сама сознаетъ ихъ малую цѣну для психологовъ, которые ее не знаютъ и которымъ она не довѣряетъ, ибо сама лично не знаетъ ихъ?

*) Въ соч. L'année psychologique и въ книжкѣ Бине объ эксперим. психологіи, какъ и въ Philosophische Studien Вундта, и въ американскихъ журналахъ (The psychological review Больдвина и Кэттеля и American journal of psychology Стенли Голля) ихъ указано чрезвычайно много, но не дается еще надлежащей ихъ психологической классификаціи, да и многія задачи совершенно не намѣчены и не формулированы.

VII.

Еслибы педагоги, юристы и врачи были въ то же время психологами, то они могли бы быть отличными экспериментаторами въ области душевной жизни, такъ какъ и безъ того, по самымъ профессіямъ своимъ, они принуждены постоянно психологически экспериментировать надъ другими существами, съ цѣлью изученія ихъ психической жизни или воздѣйствія на нее. Если же они теперь рѣдко пользуются этими экспериментами для научныхъ обобщеній, то обыкновенно потому, что не знаютъ психологіи, часто даже не интересуются ею и не умѣютъ правильно ставить задачъ, которыя могли бы подлежать ихъ экспериментальному научному изслѣдованію. Въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для психологической экспериментаціи находятся педагоги. И несомнѣнно, что успѣхъ ихъ собственной дѣятельности былъ бы гораздо значительнѣе, еслибъ они *экспериментально* изучали душевную жизнь своихъ учениковъ и воспитанниковъ. Этимъ путемъ они лучше узнавали бы почву, на которой сѣютъ знанія и принципы, и могли бы выработать болѣе сознательные и вѣрнѣе достигающіе своей цѣли *пріемы воздѣйствія* на души воспитываемыхъ. Современемъ такъ и будетъ. Школы сдѣлаются именно обширными лабораторіями для всевозможныхъ психологическихъ экспериментовъ, ибо теперешнее обученіе и воспитаніе, производимыя ощупью, безъ всякихъ сознательныхъ психологическихъ правилъ, безъ надлежащаго знанія личности каждаго воспитываемаго и обучаемаго, съ калейдоскопической смѣною предметовъ преподаванія и внушаемыхъ ученикамъ взглядовъ, безъ сомнѣнія — совершенная аномалія. Если такое воспитаніе не окончательно уродуетъ дѣтей, ихъ мышленіе, міросозерцаніе и характеръ, то только потому, что интеллектуальная и нравственная природа ихъ борется противъ вредныхъ воздѣйствій школы и часто торжествуетъ въ этой борьбѣ, какъ успѣшно борется физическій организмъ противъ дѣйствія ядовъ и бактерій.

Всякій учитель, строго говоря, *обязанъ* быть психологомъ-экспериментаторомъ въ извѣстной области психологическихъ вопросовъ и проблемъ. Математику данъ прекрасный случай экспериментально изучать логическіе законы мышленія, составъ и законы умозаключеній. Историку дана возможность экспериментально изучать законы памяти и ассоціаціи идей, а также природу нравственныхъ чувствъ и стремленій дѣтей. Филологу, съ своей стороны, удобно изслѣдовать экспериментально и законы памяти, и законы логической работы мышленія, насколько она выражается въ построеніи рѣчи и въ пользованіи словомъ, какъ орудіемъ мысли. Физику и натуралисту должно экспериментально изучать ощущенія и наблюдательныя способности дѣтей. Необходимо только умѣть ставить психологическія задачи, умѣло пользоваться самообладаніемъ дѣтей, направляя его въ надлежащую сторону и постепенно изощряя его, и заставлять работать надъ этими задачами весь классъ, заинтересовывая его результатами. При этомъ конечно нужны и *письменные* отвѣты (тутъ же въ классѣ), какъ средство объективной регистраціи фактовъ, и *устные отчеты*, которые должны служить способами анализа и провѣрки добытаго матеріала на почвѣ самонаблюденія учащихся.

Задачи учителя-экспериментатора могутъ быть такія.

Учитель математикъ, изложивъ ученикамъ теорему или математическое правило, предложитъ имъ, разъяснивъ предварительно законы умозаключенія, сообщить письменно порядокъ сужденій и умозаключеній, какими ученикъ способенъ оправдать данную теорему или правило. Сличеніе и тщательный разборъ отвѣтовъ можетъ дать важные результаты для психологіи мышленія и для логики, причемъ путемъ устныхъ распросовъ можно уяснять логическія или эмоціональныя основанія того или другого пути, который избрала мысль каждаго ученика въ рѣшеніи проблемы. Историкъ можетъ предлагать ученикамъ записывать своими словами сдѣланный имъ разсказъ какого-либо историческаго событія, и такіе опыты будутъ совершенно аналогичны тѣмъ, которые

производили Бине и Анри и которые были вкратцѣ изложены нами выше. Историкъ же можетъ предлагать ученикамъ давать письменно нравственную оцѣнку очерченныхъ имъ лицъ или событій, и это дастъ обширный матеріалъ для психологіи нравственнаго чувства и вообще характера дѣтей, ихъ нравственныхъ воззрѣній и стремленій, для этики индивидуальной и общественной (характеръ отвѣтовъ по слоямъ общества, къ которымъ принадлежатъ дѣти). Филологъ можетъ тоже экспериментировать надъ памятью словъ и фразъ, а также надъ логическими процессами мышленія при упражненіи дѣтей въ переводахъ, пересказахъ и опытахъ пользованія ими тѣми или другими грамматическими правилами и стилистическими оборотами. Натуралистъ, наприм. физикъ, можетъ дѣлать разнообразнѣйшіе опыты надъ ощущеніями дѣтей и ихъ наблюдательными способностями, предлагая письменное описаніе видѣнныхъ ими явленій, самостоятельную иллюстрацію изложенныхъ имъ ранѣе физическихъ законовъ, и т. д. Исчерпать всѣ задачи педагогической экспериментаціи мы здѣсь не можемъ и не намѣрены. Безъ сомнѣнія, всякій педагогъ, познакомившись съ содержаніемъ наукъ—психологіи, логики, этики, найдетъ самъ, безъ нашей помощи, множество вопросовъ, которые могутъ подлежать экспериментальному изслѣдованію при содѣйствіи учениковъ различнаго школьнаго возраста. Эти опыты, если они будутъ основаны на тщательныхъ распросахъ учениковъ относительно ихъ самонаблюденій, не только будутъ давать чрезвычайно важные матеріалы для научной психологіи, но, какъ мы уже сказали, будутъ помогать самимъ учителямъ въ пониманіи дѣтской и юношеской души и въ руководствѣ ея развитіемъ.

Тѣ же и другія имъ подобныя, и даже гораздо болѣе сложныя задачи экспериментальнаго анализа могутъ быть осуществляемы *психологомъ* и могутъ быть обставляемы болѣе тщательно и цѣлесообразно *въ особо приспособленныхъ для того лабораторіяхъ и кабинетахъ*. Эти опыты, въ виду всего сказаннаго нами выше, только тогда и пріобрѣтутъ настоя-

щее научное значеніе, когда они будутъ производиться *учеными спеціалистами* надъ взрослыми, *вполнѣ сознательными* людьми, привыкшими къ *точному самоблюденію* и пріобрѣвшими *искусство точно и вѣрно передавать испытываемыя ими душевныя состоянія*. Вотъ почему для психологическихъ экспериментовъ нужна правильно организованная лабораторная обстановка, нужны „психологическіе кабинеты". „Психологическій кабинетъ, справедливо говорятъ Бине и Куртье, не только *мастерская*, гдѣ ученый психологъ экспериментируетъ надъ состояніями сознанія при помощи усовершенствованныхъ инструментовъ; кабинетъ долженъ служить также и общимъ центромъ правильно организованной работы, гдѣ бы могли быть классифицируемы всѣ психологическіе матеріалы, каково бы ни было ихъ происхожденіе" *). Мы не отрицаемъ важности пользованія во многихъ изъ указанныхъ выше опытовъ различными физическими приборами и приспособленіями — хронометрами, хроноскопами и т. п. Мы только убѣждены въ томъ, что и при этомъ условіи можно и должно ставить для экспериментальнаго изслѣдованія и рѣшенія *чисто психологическія*, а не непремѣнно психофизическія и психофизіологическія проблемы, и сама школа Вундта это признаетъ, изучая экспериментально составъ представленій, качественныя категоріи ихъ ассоціацій, явленія памяти и т. п. Не надо только называть эти проблемы „психофизическими" и не надо смотрѣть на физическіе инструменты, при этихъ опытахъ употребляемые, какъ на моментъ, рѣшающій ихъ характеръ. Если учитель будетъ пользоваться показаніями секундной стрѣлки своихъ часовъ для того, чтобы произ-

*) См «Введ. въ экспер. психологію», стр. 157. Замѣтимъ при этомъ, что для чисто психологическихъ экспериментовъ нужна тоже особая обстановка, тишина, спокойствіе, отсутствіе развлекающихъ впечатлѣній и лишнихъ предметовъ, не говоря о всѣхъ прочихъ приспособленіяхъ. Объ устройствѣ психол. кабинетовъ Бони и Бине въ Парижѣ, Вундта въ Лейпцигѣ и американскихъ кабинетовъ см. тамъ же и въ приложеніи. Психологическіе кабинеты въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

носить на правильныхъ промежуткахъ времени слова, которыя ученики должны запомнить, то опытъ отъ этого не превратится изъ чисто-психологическаго въ психофизическій.

Точно также можно пользоваться для регулированія психологическихъ экспериментовъ хроноскопомъ Гиппа, хронометромъ Дарсонваля, хронографомъ Марея и проч., не измѣняя при этомъ чисто психологическаго характера опытовъ. И если психологъ-спеціалистъ будетъ это дѣлать, то онъ не превратится отъ этого ни въ физика, ни въ физіолога. Весьма въ модѣ доказывать, что только физикъ или физіологъ можетъ быть психологомъ-экспериментаторомъ. Но этотъ предразсудокъ мы, кажется, достаточно опровергли. Филологъ не долженъ быть часовщикомъ, чтобъ умѣть пользоваться (въ экспериментахъ надъ памятью словъ) секундною стрѣлкой. Научиться пользоваться всякими физическими инструментами, ради цѣлей психологическаго эксперимента, для образованнаго человѣка, прошедшаго гимназическій и университетскій курсы, – совсѣмъ не мудрость. Но быть для этого *психологомъ* и *философомъ*, и даже *филологомъ* и *историкомъ* — по образованію и мышленію, пожалуй болѣе необходимо, чѣмъ быть физикомъ и физіологомъ.

Не нужно самому умѣть дѣлать инструменты, которыми въ жизни или въ видахъ науки пользуешься. Барометра не сумѣетъ сдѣлать почти ни одинъ сельскій хозяинъ, а пользоваться имъ онъ отлично умѣетъ. Хорошій охотникъ—не ружейный мастеръ, могущій соорудить хорошее ружье.

Иногда даже очень умные люди впадаютъ въ странныя недоразумѣнія. Такъ, нѣкоторые почтенные физіологи нашего времени доказываютъ, что настоящимъ психологомъ-экспериментаторомъ можетъ быть только физіологъ, но пора бы сдать въ архивъ столь несостоятельное утвержденіе, совершенно аналогичное тому, что хорошимъ знатокомъ музыки можетъ быть только хорошій органистъ. Всякое дѣло требуетъ своего спеціалиста, и психологъ долженъ быть прежде всего *психологомъ*, а не физіологомъ, а если онъ также

знаетъ и физіологію, то тѣмъ лучше, — всякое знаніе расширяетъ горизонтъ человѣка, и мы уже сказали выше, что совершенное незнаніе анатоміи и физіологіи для современнаго образованнаго человѣка вообще постыдно, какъ было бы постыдно совершенное незнаніе имъ ариѳметики, геометріи, алгебры, физики, грамматики, изящной литературы, исторіи, и т. п.

Въ настоящее время идетъ рѣчь объ учрежденіи при русскихъ университетахъ самостоятельныхъ „кабинетовъ экспериментальной психологіи“, которые уже существуютъ на западѣ. Весьма было бы грустно, еслибы при организаціи этого молодого еще дѣла въ Россіи мы впали въ нелѣпое заблужденіе, что экспериментальная психологія есть только психофизика или психофизіологія, что кабинеты экспериментальной психологіи должны быть не независимыми учрежденіями, а филіальными отдѣленіями физіологическихъ или физическихъ лабораторій, что въ нихъ могутъ работать только профессора и студенты естественнаго или медицинскаго факультетовъ, а не философы и филологи. Что за перегородки между отдѣлами знанія, что за узкая нетерпимость и исключительность! Нынѣшнее факультетское дѣленіе въ университетахъ вполнѣ отжило свое время *). Наука *одна*, и вся наука въ ея цѣломъ стремится стать опытной и экспериментальной, съ одной стороны, спекулятивной и метафизической — съ другой. *Чисто опытная* наука — безъ спекуляцій и метафизическаго анализа понятій и проблемъ самого познанія—такая же нелѣпость, какъ прежніе чисто-метафизическія и спекулятивныя построенія—безъ всякой опытной и экспериментальной почвы. Въ будущемъ столѣтіи станутъ, конечно, экспериментальными и нѣкоторыя части науки о правѣ, и филологія, и педагогика, и станутъ болѣе спекулятивными и метафизическими самыя чистыя опытныя науки — химія,

*) Его давно пора бы замѣнить широкой и разнообразной группировкой вспомогательныхъ наукъ (изъ программъ всѣхъ факультетовъ) около *главной, наиболѣе интересующей студента*, какою можетъ быть *каждая наука*, преподаваемая въ университетѣ.

физика, физіологія. Пора бросить нелѣпые споры о словахъ, всякія клички и огульныя опредѣленія, пора отрѣшиться отъ кастовыхъ предразсудковъ хотя бы въ области науки, высшаго знанія,—пора сдѣлать образованіе болѣе всестороннимъ, а научное изслѣдованіе и обученіе—вполнѣ свободнымъ. Будетъ грустно и стыдно, если русскіе университеты откажутся отъ учрежденія кабинетовъ экспериментальной психологіи только потому, что нельзя будетъ достигнуть соглашенія по вопросу о томъ, при какомъ факультетѣ должна состоять эта полезная и необходимая наука.

Задачей нашего очерка было показать, что назрѣло время для признанія и разработки совершенно самостоятельной науки—*экспериментальной психологіи*, а къ какому факультету будетъ причислена каѳедра этой науки и необходимая для нея лабораторія—не все ли равно?! Экспериментальная психологія—именно та наука, которая должна обнаружить всю несостоятельность и отсталость перегородокъ, существующихъ, вопреки всякой логикѣ, между *нынѣшними* факультетами русскихъ университетовъ. Экспериментальная психологія, какъ впрочемъ и всѣ философскія науки, должна быть предметомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ: въ психологической и философской подготовкѣ нуждаются и юристы, и медики, и натуралисты, и математики, и филологи, и историки. Неужели эта аксіома требуетъ доказательствъ?

Николай Гротъ.